

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 15-060

Про100ШПИОНЫ

И.Г. Атаманенко

[illegible]

1521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000 1001 1002 1003 1004 1005 1006 1007 1008 1009 1010 1011 1012 1013 1014 1015 1016 1017 1018 1019 1020 1021 1022 1023 1024 1025 1026 1027 1028 1029 1030 1031 1032 1033 1034 1035 1036 1037 1038 1039 1040 1041 1042 1043 1044 1045 1046 1047 1048 1049 1050 1051 1052 1053 1054 1055 1056 1057 1058 1059 1060 1061 1062 1063 1064 1065 1066 1067 1068 1069 1070 1071 1072 1073 1074 1075 1076 1077 1078 1079 1080 1081 1082 1083 1084 1085 1086 1087 1088 1089 1090 1091 1092 1093 1094 1095 1096 1097 1098 1099 1100 1101 1102 1103 1104 1105 1106 1107 1108 1109 1110 1111 1112 1113 1114 1115 1116 1117 1118 1119 1120 1121 1122 1123 1124 1125 1126 1127 1128 1129 1130 1131 1132 1133 1134 1135 1136 1137 1138 1139 1140 1141 1142 1143 1144 1145 1146 1147 1148 1149 1150 1151 1152 1153 1154 1155 1156 1157 1158 1159 1160 1161 1162 1163 1164 1165 1166 1167 1168 1169 1170 1171 1172 1173 1174 1175 1176 1177 1178 1179 1180 1181 1182 1183 1184 1185 1186 1187 1188 1189 1190 1191 1192 1193 1194 1195 1196 1197 1198 1199 1200 1201 1202 1203 1204 1205 1206 1207 1208 1209 1210 1211 1212 1213 1214 1215 1216 1217 1218 1219 1220 1221 1222 1223 1224 1225 1226 1227 1228 1229 1230 1231 1232 1233 1234 1235 1236 1237 1238 1239 1240 1241 1242 1243 1244 1245 1246 1247 1248 1249 1250 1251 1252 1253 1254 1255 1256 1257 1258 1259 1260 1261 1262 1263 1264 1265 1266 1267 1268 1269 1270 1271 1272 1273 1274 1275 1276 1277 1278 1279 1280 1281 1282 1283 1284 1285 1286 1287 1288 1289 1290 1291 1292 1293 1294 1295 1296 1297 1298 1299 1300 1301 1302 1303 1304 1305 1306 1307 1308 1309 1310 1311 1312 1313 1314 1315 1316 1317 1318 1319 1320 1321 1322 1323 1324 1325 1326 1327 1328 1329 1330 1331 1332 1333 1334 1335 1336 1337 1338 1339 1340 1341 1342 1343 1344 1345 1346 1347 1348 1349 1350 1351 1352 1353 1354 1355 1356 1357 1358 1359 1360 1361 1362 1363 1364 1365 1366 1367 1368 1369 1370 1371 1372 1373 1374 1375 1376 1377 1378 1379 1380 1381 1382 1383 1384 1385 1386 1387 1388 1389 1390 1391 1392 1393 1394 1395 1396 1397 1398 1399 1400 1401 1402 1403 1404 1405 1406 1407 14

(год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

Гриф секретности снят

Игорь Атаманенко

Про 100 шпионы

«ВЕЧЕ»

2017

Атаманенко И. Г.

Про100шпионы / И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ», 2017 — (Гриф секретности снят)

ISBN 978-5-4484-7828-4

Новая книга ветерана контрразведки Игоря Атаманенко расскажет о фактах, которые еще вчера значились под грифом «Совершенно секретно»: – как Шанель «таскала из огня каштаны» для бригадефюрера СС; – как полковник разведки Зоя Воскресенская стала детским писателем; – как был ликвидирован «демон революции» Лев Троцкий; – как Ю. В. Андропов отомстил ЦРУ за крах дипломатической карьеры; – как с помощью вора-карманника КГБ проник в жилище шпиона; – как «семейный шпионский подряд» помог СССР приобрести автозавод; – как КГБ добыл секретные планы НАТО на случай атомной войны; – как американский шпион явился с повинной на Лубянку; – как готовили бойцов легендарной «Альфы». Никакого вымысла – сугубо документальный материал из первых рук! Книга издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-4484-7828-4

© Атаманенко И. Г., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Глава первая. «Chanel № 5» для бригадефюрера СС	7
Глава вторая. Обвенчанные с разведкой	16
Глава третья. Великий мастер разведки	23
Глава четвертая. Елизавета Зарубина: ас вербовок	30
Глава пятая. Эйтингон: своими преданный герой	39
Глава шестая. Квартира, где шифры лежат	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Игорь Атаманенко

Про100шпионы

© Атаманенко И. Г., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

XX столетие называют и веком радио, и веком атома, и веком космоса. Однако с полным основанием его можно назвать и веком шпионажа. Кстати, авторитетные исследователи деятельности спецслужб утверждают, что между «благородной разведкой» и «низменным шпионажем» различий нет, ибо цели, методы, стиль работы, оснащение шпиона и разведчика идентичны. Разница существует в общественном, идеологическом и эмоциональном восприятии этих терминов и зависит от... вашей точки зрения.

Особый импульс шпионскому (разведывательному) промыслу придало противостояние спецслужб СССР и США во время холодной войны. И хотя сегодня их арсеналы пополнились спутниками-шпионами, сверхскоростными компьютерами, аналитиками с высшими учеными степенями в области квантовой механики, математики, экономики и политологии, но отказываться от традиционного высокоэффективного оружия – секретной агентуры – они не намерены.

Да, тайный Орден агентов все также действует, и под его знаменами по-прежнему маршируют наследные принцы и политические деятели, ученые с мировым именем и спортсмены, священники и проститутки. Их много. Их сорок сороков. Их редко встретишь на поле брани – чаще в генеральных штабах, в божьих храмах и на дипломатических раутах. И все они азартно похищают стратегические секреты для своих работодателей. Их усилия окупаются сторицей, ибо тот, кто владеет информацией, властвует...

Прочитав книгу, вы сможете:

- постигнуть мотивы, которые подвигают людей к сотрудничеству со спецслужбами;
- прийти к заключению, кто такие секретные агенты – авантюристы или романтики, герои или предатели;
- оценить оригинальные способы вербовок и поплодировать офицерам-вербовщикам, которые расставляли силки для ловли объектов;
- поставить для себя точку в споре о роли секретных агентов в мировой политике;
- узнать, как советские дипломаты и сотрудники спецслужб предлагали свои услуги ЦРУ;
- компетентно судить о правомерности проникновения в иностранные посольства и в квартиры ваших соседей для проведения негласных обысков.

Словом, все, что в шпионском промысле вам кажется невероятным, станет очевидным по прочтении этой книги!

Часть первая

Тайный орден агентов

*Слава скаковой лошади достается жокею.
Эмиль Кроткий, писатель*

Глава первая. «Chanel № 5» для бригадефюрера СС

5 мая 2016 года исполнилось 95 лет легендарному бренду «Chanel № 5». Мало кто знает, что во время Второй мировой войны его владелица Коко Шанель была на связи у бригадефюрера СС Вальтера Шелленберга в качестве секретного агента. А уж о том, что созданием парфюма мир обязан великому князю Дмитрию Павловичу Романову, и подавно известно единицам...

ПУТЬ НАВЕРХ

Габриэль Шанель, законодательница женской моды XX века и «крестная мать» революционного синтетического парфюма «Chanel № 5», родилась в 1883 году в богадельне на юге Франции. Ее родители – Альбер Шанель и Жанна Деволь, – не имея постоянного места жительства, подались в корабейники и вместе с шестью малолетними детьми колесили по стране в повозке, груженной товаром. В 1895 году, после смерти матери, Габриэль и три ее сестры оказались в церковном приюте «Сердце Христово» прислуживать монахиням.

На рубеже XIX и XX веков католические духовные институты Западной Европы воспитывали своих адептов в ненависти и презрении к евреям. Разумеется, эпидемия не обошла стороной приют «Сердце Христово», и споры антисемитизма глубоко проникли в сознание Габриэль. С годами он дал такие метастазы, что биографы Шанель будут вынуждены констатировать: «Она не просто дурно отзывалась об иудеях – ее антисемитизм был настолько неистовым, что подчас выходил за все мыслимые рамки приличия».

Но все это – потом, а пока монахини пристроили Габриэль в ателье по пошиву одежды. Вечерами она поет в кафе, где богатые офицеры-кавалеристы, встречая лишь ее показное сопротивление, забираются ей под юбку. Они-то и дали Габриэль кличку «Коко» – усеченная форма от французского *cocotte* – «кокотка», то есть «содержанка». Кличка навсегда заменит ей имя, данное родителями.

В 1906 году отставной кавалерийский офицер Этьен Бальзан, решив единолично распоряжаться телом Коко, сделал ее своей любовницей. «Аллюр три креста, прочь нитки и иголки, пение фривольных песенок и насильников-кавалеристов!» – она переселяется в замок Бальзана, что в семидесяти пяти километрах от Парижа...

«ТАК ВОТ ЧТО ТАКОЕ СЛАВА – ЭТО ОДИНОЧЕСТВО»

Спустя два года, в 1908-м, Коко сбежала от Бальзана к его другу – Артуру Кэйпелу, богатому английскому аристократу. Он снял для нее жилье в Париже и дал денег, чтобы она открыла салон дамских шляпок. Более того, вплоть до окончания Первой мировой войны на его деньги Шанель откроет во Франции десятки ателье дамской одежды, наймет сотни мастериц-белощвеек и создаст Дом моды собственного имени.

Интуитивно чувствуя, что мир привилегированной знати уходит в Лету, Шанель действовала по принципу «пусть этот мир прогнется под меня» – и с маниакальным упорством разрушала стереотипы, освобождая женщин из плена вычурных туалетов, корсетов и шляпок, запуская на орбиту линию рационально-скромной, но дорогой повседневной одежды (дорогая простота): дорожные костюмы со строгими блузками, спортивные платья и туфли на низком каблуке.

В свои тридцать пять Шанель заработала первые миллионы и стала маяком женской эмансипации – свободы зарабатывать, сколько вздумается, отдаваться, кому вздумается, жить, как вздумается, и, «освободившись от предрассудков, не пренебрегать гомосексуальными интрижками». За ней закрепилось звание кутюрье, «устроившей революцию в женской моде и в образе жизни».

И хотя теперь славы и богатства Шанель не занимать, для французского истеблишмента она остается фигурой, чья сексуальная всеядность и любовные романы, неумеренное потребление алкоголя, увлечение морфием и опиумом препятствуют ее доступу в приличное общество. И тогда Коко выдает новый афоризм в духе Оскара Уайльда: «Мне плевать, что вы обо мне думаете. Я о вас не думаю вообще!»

Пусть плети сплетен хлещут по спине – плевать! Назло бомонду Парижа, но твердо следуя своему принципу: «Я не из тех женщин, кто одновременно являются собственностью нескольких мужчин», Коко, кинув с десяток безымянных любовников, поочередно бросается в объятия знаменитостей: Игоря Стравинского, Пабло Пикассо, поэта Пьера Реверди. Однажды решив, что в ее гареме избранников не хватает венценосной фигуры, тщеславная Коко взялась за великого князя Дмитрия Павловича Романова, который после Октябрьской революции 1917 года бежал из России в Париж...

РУССКИЙ СЛЕД В «CHANEL № 5»

В 1920 году в холостяцкой квартире на Монмартре, традиционном районе пристанища иммигрантов из России, молодой экс-претендент на российский престол Дмитрий Павлович Романов скорбел по утрате родины и казни своего кузена Николая II и его семьи.

Тогда же в Париже, в роскошной квартире на бульваре богатеев Сен-Жермен, чувство скорби, но по другому поводу – утрате своего любовника Пьера Реверди – испытывала Шанель. Зная по собственному опыту, что лекарство от мужчин – это мужчины, она мысленно перебирала вероятных кандидатов, кем можно было бы заполнить образовавшуюся пустоту. Эврика! На ужин она пригласит Дмитрия Романова.

Решено – сделано. Звонок префекту парижской полиции (Шанель имела обыкновение обращаться за помощью только к первым лицам государственных и муниципальных структур), и посыльный мчится на поиски великого князя...

По свидетельствам современников, внешняя разность их фигур – Шанель и Дмитрия – настолько была очевидной, что внешне они являли физическое воплощение закона о «единстве и борьбе противоположностей». Она – говорливая, смуглая, обезьяноподобная коротышка с горящими глазами-угольками, увешанная ожерельями и браслетами, которые бренчали при каждом ее движении. Он – элегантный, длинноногий худошавый блондин с погасшим взглядом зеленых глаз, сдержанный в движениях и репликах, затянутый в строгий военный френч без погон.

Положа руку на сердце, надо признать, что с Дмитрием, русским принцем в изгнании, Коко повезло сказочно. С его помощью и под его влиянием в ее творческо-коммерческой жизни образовался «славянский период», создана русско-славянская коллекция одежды, которая обрушила на Дом моды водопад заказов из стран Западной Европы и США. Но самое главное в том, что великий князь открыл для нее мир парфюмерии!

Однажды Дмитрий представил Коко своего друга Эрнеста Эдуардовича Бо – главного парфюмера Российского императорского двора. Этнический француз, Эрнест считал себя русским по рождению, воспитанию и по духу. Мать и отец Эрнеста, подданные Российской империи, связи с Францией не поддерживали и себя тоже считали русскими. Немудрено, что, когда в 1917 году случился октябрьский переворот в Петербурге, Бо-младший примкнул к Белой гвардии, чтобы сражаться с большевиками. После мытарств на родине осел во Франции...

Талантливый химик, он быстро завоевал признание коллег в центре мировой парфюмерии, городе Грасс, и, что важнее, доверие Шанель. Узнав, что Эрнест имеет богатый опыт в создании синтетических духов, она настояла, чтобы он сосредоточил усилия на развитии этого направления. Более того, Коко потребовала от парфюмера новых духов, в которых было бы самое главное – аромат, способный пробуждать любовное женское начало.

Дело в том, что в те годы в обиходе женщин Европы кроме бабушкиного щелочного мыла были лишь натуральные цветочные экстракты апельсиновых бутонов, роз, фиалок, ромашек, жасмина. Наиболее утонченные женщины обрызгивали свои тела цветочными аэрозолями. Новаторство Эрнеста Бо состояло в том, что он добавлял в них синтетические компоненты, которые не только усиливали натуральный букет запахов, но и максимально продлевали благоволение.

И вот с подачи Шанель по Парижу поползли слухи, что она, именитая кутюрье французской столицы, собирается выпустить неповторимую «воду Шанель». Секрет этих духов, согласно распространенным по ее инициативе слухам, с XV века хранило знаменитое флорентийское семейство Медичи...

К тому времени молодое поколение французских модниц уже сплошь ходило в маленьких черных платьях, шерстяных кофтах и коротких плисовых юбках от Шанель. Таким образом, ничто не мешало добавить к этим, ставшим привычными, модным атрибутам новый аромат!

Уже через полгода после знакомства, в первом квартале 1921 года, Бо представил Шанель ряд созданных им синтетических химических составов, пронумерованных от 1 до 5 и от 20 до 24. Лишь один из всех представленных – № 5 – привел Шанель в неописуемый восторг. Назвав его «Шанель № 5», она решила представить его публике на открытии ежегодной выставки своей одежды «Коллекция-1921».

При содействии Дмитрия, который, выражаясь современным языком, был ее «пиар-паровозом», Шанель начала продвигать «№ 5», который должен был стать частью культуры и ароматической эмблемой эмансипированных девушек-андроенов, покуривающих марихуану, любящих стричься под мальчика, носить мужские жилетки и галстуки. «Этот образ, – настаивала Шанель, – надо дополнить ароматом, который мог бы сочетаться с быстрыми сверкающими лаком машинами, путешествиями и чарльстоном».

Следующие два года (пока между Шанель и Дмитрием не угаснет искра любви) влюбленная пара и парфюмер останутся компаньонами-дилетантами. Компаньона-профессионала по части производства и реализации ароматной продукции Шанель найдет в лице отпрыска еврейского клана Вертхаймеров.

5 мая 1921 года первая партия – элитные духи для современных женщин – поступила в продажу в бутике Шанель на рю Камбон, и вскоре о новых духах говорил весь Париж...

«НАДУЛИ И ОГРАБИЛИ!»

К марту 1924 года Коко, так и не научившись считать без помощи пальцев, все-таки поняла, что для удовлетворения потребительского спроса на «Chanel № 5» необходимо расширять производство. Лишенная чувства самокритики, она тем не менее отдавала себе отчет, что одной ей не справиться. Посредники вывели ее на представителя еврейского клана бра-

тьев Вертхаймеров. Встреча длилась семь минут, затем за дело взялись юристы клана, и братья по дешевке заполучили компанию по производству духов и косметики «Societedes Parfums Chanel». Выгода оказалась сильнее антисемитских предрассудков Коко, коммерческая целесообразность взяла верх, и она заключила судьбоносную сделку с магнатом мировой розничной торговли, президентом международных корпораций Пьером Вертхаймером.

В 1931 году Шанель по приглашению ненавистного ей продюсера-еврея Голдвина (урожденного Шмуэля Гельбфиша) посетила, по ее собственному признанию, «столицу дурного тона Соединенных Штатов – Голливуд». Несмотря на приступы мучившего ее гриппа, она не забывала скрытно окроплять «Пятым номером» из маленького пульверизатора всех визитеров, навещавших ее в роскошных апартаментах отеля «Пьер». Цель? А просто! Все они – и репортеры, и кинодивы от всемирно известных Греты Гарбо, Кэтрин Хепберн, Глории Суонсон и Ины Клер, кончая сонмом безымянных, станут невольными распространителями и популяризаторами ее продукции. При этом она руководствуется собственной установкой: «Если вы хотите иметь то, что никогда не имели, вам придется делать то, что никогда не делали!»

Прошло совсем немного времени, и «Chanel № 5» снискал мировое признание, став самым прибыльным предприятием в карьере Шанель, сделав ее и Пьера баснословно богатыми. Однако на протяжении 25 лет она будет твердить: «Я кое-что подписала в 1924-м. Меня надули и ограбили. И продолжают грабить бандиты – еврейские бандиты!»

По условиям договора львиная доля капитала – 70 % выпущенных акций – отходила клану Вертхаймеров, которые отныне управляли производством и распространением духов по всему миру.

Кстати, формула «№ 5» чрезвычайно сложна, в ее состав входили (да и сегодня входят) около 80 ингредиентов, которые поделены на восемь десятков между восьмью менеджерами. Состав каждого десятка в отдельности знал только один менеджер. А вся формула «№ 5» была известна лишь одному Пьеру Вертхаймеру.

Эрнест Бо стал полностью зависим от Пьера, работодателя и хозяина, который узурпировал право единоличного использования всех его секретов и формул.

Романов, князь-дароносец, золотой любовник, который в течение (!) трех лет бескорыстно продвигал на рынок «Chanel № 5», – ух, жестокое кидалово! – в договоре вообще не упомянут.

Шанель получила пакет акций в количестве 200 штук стоимостью в 500 франков каждая и... любовь Пьера Вертхаймера. В свои сорок один Коко, виртуозно играя роль сексуальной девчонки-сорванца, сумела влюбить в себя этого тридцатилетнего воротилу торгового бизнеса – так, развлечения для и забавы ради...

КОДОВОЕ ИМЯ

10 июня 1940 года Шанель, проснувшись в бархатной роскоши своего жилища – номере элитного парижского отеля «Ритц», – узнала из сообщения Би-би-си, что французская армия эвакуировалась из Дюнкерка в Англию, а танки Гитлера вот-вот ворвутся в Париж. У нее тут же возникли проблемы.

Нет-нет, она все еще богата – несмотря на потерю производственных мощностей по пошиву одежды и закрытие Дома моды, – деньги продолжают капать на ее счета в Швейцарии, благодаря продаже «Chanel № 5» по всему миру. Проблемы были не материального, а морального плана. Ее любимый племянник Андре Паласс в числе 300 тысяч французских солдат после краха укреплений Мажино оказался в лагере для военнопленных в Германии, где подхватил туберкулез. Вырвать его оттуда стало для Шанель делом жизни и смерти. Она обратилась за помощью к барону Гансу Гюнтеру фон Динклагге, с которым десять лет назад состояла в любовной связи.

В 1930-е барон, будучи офицером Абвера¹, шпионил во Франции под надежным плащом дипломатического иммунитета – должностью специального атташе посольства Германии в Париже – и, несмотря на то что был женат, десять лет тайно сожительствовал с Шанель.

Благодаря Динклагге в Абвере с пониманием встретили намерение Шанель любым способом вытащить племянника из концлагеря. Одобрив ее желание отобрать у еврейского клана компанию по производству духов и косметики, которую в 1924 году она за гроши продала братьям Вертхаймерам. Но особо руководство Абвера оценило искреннюю веру Шанель в реальность иудео-большевистского заговора и ее публичные обвинения евреев в том, что они, собственно, и придумали большевизм.

«Наконец-то, – обрадовались офицеры-вербовщики из Абвера, – появилась реальная основа для вовлечения мадемуазель Шанель в орбиту деятельности спецслужб Третьего рейха! Эта хитроумная женщина располагает обширными связями в политических и дипломатических кругах стран Западной Европы. А судя по прозвищу «Коко», ей не привыкать быть содержанкой – покровители у этой перманентной любовницы не переводятся вот уже 35 лет: Этьен Бальзан – милостивец, поднявший ее с социального дна; Артур Кэйпел – меценат, на деньги которого она открыла свое дело и стала всемирно известной кутюрье; русский великий князь Дмитрий Романов – бескорыстно вручивший ей секрет формулы «Chanel № 5», которая сказочно обогатила ее; герцог Вестминстер – неприлично богатый английский аристократ, отпрыск одной из королевских ветвей Великобритании, целое десятилетие одаривавший ее драгоценностями, коим место не в ее сейфе – в Британском музее или в Лувре; Пабло Пикассо – художник, оставивший ей картинную галерею своих работ. И ведь они – только надводная часть айсберга ее ручных ротшильдов, а сколько вообще у нее было безымянных благодетелей-кредиторов? Похоже, они не поддаются учету! Что ж, теперь наш черед взять эту ненасытную особу на содержание. А работать мы будем по принципу пилю: «ты – нам, мы – тебе!»

Решено – сделано. И весной 1941 года Шанель, предварительно оговорив условия вербовки с Динклагге, влилась в тайный орден осведомителей Третьего рейха с постановкой на учет в берлинском регистре в качестве агента F-7124 с кодовым именем «Вестминстер». Им она должна была подписывать донесения.

Узнав о псевдониме, Шанель была обескуражена, но затем поняла, что таким манером «кукловоды» из Абвера намекают, что им все известно о ее романе с герцогом Хью Ричардом Артуром Гросвенором Вестминстером по прозвищу Бендор.

В итоге Шанель отреагировала на псевдоним в свойственной ей манере: «Замуж Бендор меня не взял – хоть так-то буду носить его фамилию!»

Абвер выполнил обещание, и осенью 1941 года Андре Паласс доставлен из Германии во Францию – живым, но тяжелобольным. Теперь Шанель могла полностью сосредоточиться на парфюмерном бизнесе и, используя полученный от Абвера статус «арийской француженки», вернуть себе то, что было, по ее убеждению, «украдено» Вертхаймерами.

В течение 1942 года с помощью руководства Абвера Шанель несколько раз встречалась с высокопоставленными нацистскими чинами, которые следили за исполнением Закона об «аризации» собственности евреев в Европе, чтобы ускорить возвращение предприятия по производству «Chanel № 5»...

«МОДНАЯ ШЛЯПКА»

Во время оккупации Франции нацисты запрещали населению слушать Би-би-си, но потайные радиоприемники по всей стране были настроены на вечерние позывные «Говорит

¹ Абвер – военная разведка Германии. В конце 1943 года фактически поглощена ее конкурентом – VI управлением РСХА, то есть политической разведкой под началом бригадефюрера СС Вальтера Шелленберга

Лондон». В одной передаче французская актриса и певица Арлетти заклеила Шанель, назвав ее «горизонтальной коллаборационисткой»² – женщиной, делящей постель с ненавистными бошами – немецкими оккупантами.

Увы, Арлетти не знала, что Коко не только спит с оккупантом Динклагге, но и глаза в глаза общается с бригадфюрером СС Вальтером Шелленбергом, шефом политической разведки Главного управления Имперской безопасности Третьего рейха!

Первая встреча Коко и Динклагге с Шелленбергом прошла в Берлине в его рабочем кабинете VI управления РСХА на углу Беркаерштрассе и Зульцерштрассе в декабре 1943 года. Обсуждали возможность передачи письма, адресованного премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю.

А все потому, что еще весной 1943 года Шелленберг с молчаливого согласия своего шефа рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, который втайне был уверен, что Германия под водительством Гитлера не сможет выиграть войну, начал тайный зондаж мнения властных верхушек Швейцарии и Швеции на предмет возможности их посредничества в переговорах с Британией.

К слову, Гиммлер был не единственным высокопоставленным нацистом, пытавшимся обеспечить себе пути отхода. Министр иностранных дел Германии Риббентроп и его команда тоже «держали нос по ветру, пытаясь ухватиться за любую связь с западными союзниками», – искали способ вступить в переговоры с Британией.

Одновременно в Турции непосредственный начальник Динклагге адмирал Вильгельм Канарис и посол Германии Франц фон Папен с замиранием сердца внимали постукавшим от Аллена Даллеса (будущего шефа ЦРУ) и его коллег из британских спецслужб намекам на мирные переговоры в 1943 году с «надежными партнерами» из Германии.

Шанель изложила Шелленбергу свой план действий: она встретится со старым другом – британским послом в Мадриде сэром Сэмюэлем Хором. С его помощью она выйдет на герцога Вестминстера, известного своими прогерманскими взглядами. Через герцога можно передать письмо Черчиллю и устно довести до его сведения, что некоторые высокопоставленные германские чиновники хотят отстранить Гитлера от власти и положить конец войне с Британией. Шанель заверила Шелленберга, что Черчилль способен понять, что если Германия попадет в руки Советов, то случится катастрофа.

Отвечая на вопрос Шелленберга о шансах на успех, Шанель заявила, что делает ставку на свою, проверенную временем и обстоятельствами, дружбу с Черчиллем, а также на поддержку герцога Вестминстера.

Операции в Мадриде Шелленберг присвоил кодовое имя «Модная шляпка». Динклагге взял на себя оформление заграничного паспорта Шанель, и в первых числах января 1944 года они выехали из Парижа по железной дороге к испанской границе в Андае.

Но все было впустую – миссию провалила британская разведслужба MI-6, внедрив своего агента-provokatora, выступившего в роли посредника. В Испании Шанель и Динклагге едва избежали ареста. Вернувшись в Париж, она вынуждена была вновь ехать в Берлин, чтобы объяснить Шелленбергу, почему все пошло наперекосяк...

БЕГСТВО

Ранним утром 6 июня 1944 года Би-би-си сообщила о высадке англо-американских войск в Нормандии, объявив, что вскоре союзники освободят Париж. Это могло стать трагическим событием для Шанель, ведь она в числе сотен французов числилась в черном списке движе-

² Коллаборационист – так в Западной Европе называли предателей – пособников нацистских оккупантов во Второй мировой войне.

ния Соппротивления как «горизонтальная коллаборационистка». А это следствие, суд и суровое наказание со стороны тех, кто пострадал от преступлений нацистов.

В первые дни освобождения Парижа некоторых коллаборационистов озлобленные парижане попросту расстреливали при задержании. А красивых женщин – «горизонтальных коллаборационисток» – нагишом вытаскивали из постели на улицу и публично обрывали им головы. В те дни во французской столице были убиты свыше 2 тысяч пособников оккупантов.

Шанель тоже не избежала ареста активистами так называемого Комитета по очищению, однако после нескольких часов допроса была отпущена. Позже биографы Шанель установят, что ее освобождению помог Уинстон Черчилль, связавшись по радиции с Даффом Купером, – британским послом по особым поручениям при Временном правительстве генерала де Голля. Но и это еще не все!

Едва Шанель, оказавшись дома, успела прямо через юбку шприцем ввести себе полуденную дозу морфия, раздался международный телефонный звонок. Герцог Вестминстер был краток: «Спасайся – беги из Франции!»

И Шанель на «кадиллаке», с шофером-телохранителем за рулем, умчалась в безопасную Швейцарию...

СУДЕБНЫЕ ПЕРИПЕТИИ

Два года парижские знакомые Шанель, на глазах которых она обдeldывала коммерческие дела и флиртовала с оккупантами, задавались вопросом: «Когда же до нее дотянется длань Фемиды?!»

Бог есть – свершилось! 6 мая 1946 года парижский судья Роже Серр возбудил против Шанель дело по измене Французской Республике. Но ордер на привод был выписан лишь в 1949 году, после того как поступили документы, разоблачавшие ее как агента Абвера F-7124 под псевдонимом «Вестминстер». Уклонившись от неоднократных вызовов к судье Серру, Шанель предстала перед другим судьей – Фернан-Полем-Леклерком. Ей предъявили выписки из регистра, где она значилась агентом Абвера.

Детально проинструктированная адвокатами, Коко с хорошо разыгранным возмущением вскричала: «Мне ничего не известно, что меня зарегистрировала германская спецслужба! Я протестую против этого абсурда! Я попрошу Даффа Купера, британского посла, написать рекомендательное письмо, в котором он подтвердит, что я пользуюсь авторитетом и уважением в высшем английском обществе, в том числе и среди членов королевской семьи!»

Шантаж подействовал, а Удача продолжала вести Коко за руку! В бумагах, полученных судьей, не было *ни одного* донесения, исполненного ее рукой, как и отсутствовали данные о ее ключевой роли в операции «Модная шляпка». По этой причине судья Леклерк формально не имел права арестовать Шанель.

Отрицание Шанель сотрудничества с Абвером так и не стало предметом дальнейшего разбирательства. Дело в том, что к 1949 году лишь пара чиновников от французского правосудия были заинтересованы в том, чтобы свести воедино разные нити, ведущие к разоблачению Шанель в измене Франции. Свою роль сыграл субъективный человеческий фактор. На вопрос о жизни во время нацистской оккупации почти все французы отвечали: «Да, времена были тяжелыми. За годы войны происходили странные вещи... но лучше забыть все это!»

ЧЕМОДАН ДЕНЕГ

Останавливаться на промежуточном результате – не в натуре Шанель, ей нужна полная и безоговорочная победа. Выиграв сражение в суде, она начала наступление по всему фронту.

Для восстановления своего реноме она ввела в бой «тяжелую артиллерию» – деньги, благо в них она стеснена не была.

Шанель обильно оплачивала подрядных журналистов и писателей, кто брался представить ее в книгах и на полосах периодических изданий в образе ангела-спасителя Франции в годы нацистской оккупации. Одновременно она стала подкупать всех, кто был осведомлен о ее связях с нацистской верхушкой и со спецслужбами Германии.

Первым в списке был бригадфюрер СС Вальтер Шелленберг. И не только потому, что он был живым свидетелем ее коллаборационизма. Шанель стало известно, что в тюрьме генерал работает над книгой с рабочим названием «Секретные агенты – пушечное мясо тайных войн», в которой намерен показать закулисные гитлеровских спецслужб и открыть имена их негласных помощников.

В июне 1951 года, узнав, что генерала досрочно выпустили на свободу по причине рака печени, а он ищет издателя для своих мемуаров, Шанель почувствовала угрозу и начала действовать за гранью закона. В Лозанне раздобыла фальшивый швейцарский паспорт на имя Луи Ковальски и вклеила туда фото Шелленберга. Передавая паспорт, заявила, что обеспечит безбедную жизнь ему и его жене в Швейцарии. Но при одном условии: в мемуарах не должно быть ее имени.

«Что ж, если мадемуазель так угодно...» – хмыкнул Шелленберг.

«А каковы гарантии?» – настаивала Шанель.

Шелленберг вытянулся во фрунт, выбросил руку в нацистском приветствии и прорычал: «Слово генерала!»

В тот же день Шанель через фонд COGA – аббревиатура из двух первых букв имен «Coco» и «Gabriel» – приобрела для Луи Ковальски и его жены дом на берегу Женевского озера. Осечка! Власти Швейцарии, разоблачив подлог и установив, что под личиной Луи Ковальски скрывается осужденный военный преступник Вальтер Шелленберг, отказали ему в виде на жительство и выслали из страны. Тогда супруги нашли убежище на вилле вблизи итальянского озера Лаго-Маджоре, куда на следующий день в черном «мерседесе» с задернутыми шторками прикатила Шанель, чтобы вручить беглецам чемодан отступного.

Главный биограф Шелленберга профессор Рейнхард Деррис позднее утверждал, что на переданные Шанель 30 000 швейцарских франков супруги жили припеваючи еще 9 месяцев, до самой кончины Шелленберга. Умер он в Турине 31 марта 1952 года в возрасте 42 лет.

Шелленберг слово сдержал. В вышедшей в 1956 году книге с названием «Лабиринт» есть все что угодно о секретных помощниках гитлеровских спецслужб, но об агенте Абвера F-7124 под псевдонимом «Вестминстер» нет ни слова...

РЕНОМЕ ВОССТАНОВЛЕНО

Наравне с обработкой Шелленберга Шанель проводила соответствующую «профилактическую работу» с его адъютантом Теодором Моммом и своим бывшим любовником Гансом фон Динклагге.

С Моммом все оказалось просто – он готов был довольствоваться чековой книжкой на 5 тысяч долларов.

А в любовных отношениях Коко и Динклагге после 20-летнего перерыва наступил ренессанс. Несмотря на официальный запрет въезда в Швейцарию за шпионаж в пользу Германии в 1930-х и в 1940-х, Динклагге все-таки несколько лет жил с Шанель в Лозанне и Давосе. Немудрено: ее деньги и связи в правительственных кругах Западной Европы позволяли и не такое...

Но однажды Динклагге, примелькавшийся богатым завсегдатаем Давоса как господин с впечатляющей выправкой строевого офицера и безупречными манерами члена английского аристократического клуба, исчез. Станным был не сам факт его исчезновения, а реакция

Шанель – она выглядела абсолютно безучастной и не предпринимала никаких попыток разыскать сожителя или хотя бы поднять тревогу по поводу его пропажи. Чтобы прояснить ситуацию, Шанель пригласили на допрос в полицейский участок. Все оказалось до банальности скучно – любовники попросту устали друг от друга!

Вынырнул Динклаг на Балеарских островах, что на западе Средиземного моря, у побережья Испании. Проживая один в роскошном ранчо, он до конца жизни получал внушительное пособие от фонда SOGA, которое позволяло стареющему плейбою не задумываться о завтрашнем дне и время от времени заводить любовные интрижки с юными европейками на отдыхе...

* * *

Звездный час восстановления реноме Шанель настал за 8 месяцев до ее смерти. Клод Помпиду – жена президента Франции Жоржа Помпиду – была почитательницей таланта Шанель и ее клиенткой в течение многих лет. В июне 1970 года она пригласила 87-летнюю кутюрье на обед в резиденцию главы государства – Елисейский дворец.

По словам биографа Пьера Галанта, Шанель, как всегда, в соломенной шляпке, скрывающей залысины, и с сигаретой «Кэмел» в зубах, играя на публику, громогласно произнесла:

«В мое время портних за королевский обеденный стол не сажали!»

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В это трудно поверить, но в 1962 году, в свои 79, Шанель обзавелась новым ухажером. Франсуа Миронне, которому было всего 48, она наняла в качестве слуги, но вскоре он стал ее компаньоном и наперсником, а после смерти Шанель еще и претендентом на обладание миллиона долларов – десятой части ее наследства. Как? А просто! Со слов близкой подруги Коко, Лилу Маркан Грюмбах, однажды Шанель надоело быть вечной невестой, и она попросила Миронне жениться на ней.

Похоже, Габриэль-«Коко»-«Вестминстер»-Шанель, уйдя в мир иной 10 января 1971 года, оставила потомкам еще одну неразгаданную тайну...

Глава вторая. Обвенчанные с разведкой

CHERCHEZ LA FEMME!

В октябре 1972 года, вслед за убийством палестинскими террористами израильских спортсменов во время Олимпийских игр в Мюнхене, в пригороде Тель-Авива в условиях повышенной конспирации состоялось совещание глав спецслужб Земли обетованной: МОССАД (внешняя разведка), Шабак Шин Бет (контрразведка) и Аман (военная разведка).

В повестке дня кроме выяснения и исследования причин и обстоятельств, предшествовавших убийству спортсменов, фигурировала тема использования иудеек в качестве обольстительниц объектов оперативных разработок.

Для принятия окончательного решения по этой, весьма деликатной теме начальник МОССАДа Зви Замир предложил пригласить на совещание еврейского религиозного авторитета Ари Шабата.

Шабат, ссылаясь на свой труд «Половая связь в интересах государственной безопасности», отметил, что связь между шпионским промыслом и любовными интригами существует с незапамятных времен. Поэтому сочетание шпионажа с любовной страстью не является изобретением ни экспертов секретных служб, ни авторов бульварных романов. В качестве свидетельства взаимовыгодного сотрудничества между представителями двух древнейших профессий он привел пример из Книги Иисуса Навина, Предводителя еврейского народа.

Согласно Священному Писанию, тот послал на разведку двух лазутчиков в Иерихон, где они, проведя рекогносцировку, оказались в постели блудницы Раав. Ищейки царя Иерихонского сообщили ему о присутствии в ее жилище подозрительных чужаков. Увидев приближающихся стражников, Раав спрятала шпионов на кровле дома, заявив страже, что, хотя она и принимала у себя чужестранцев, но они уже отбыли в неизвестном направлении. Таким образом, она спасла жизнь двум агентам, действовавшим в глубокой тайне. Впоследствии уже они в знак благодарности спасли Раав от неминуемой гибели.

Далее Шабат предложил присутствующим совершить экскурс в историю интимной связи иудейской царицы Эсфирь с персидским царем Ахашверошем и красавицы Яэль с военачальником Сисрой из враждебного евреям Ханаанского царства. Обе женщины, по утверждению Шабата, действовали, руководствуясь принципом: «хитростью и обманом ты должен вести борьбу с врагом»³.

Рассуждения Ари Шабата о возможности использования иудеек в оперативных мероприятиях поддержал глава МОССАДа Зви Замир. Он заявил:

«Авторитетный эксперт германских спецслужб Пауль Леверкюн на вопрос: «Женское ли это дело – добывание секретов?» – традиционно отвечал: «Тайна, которую нельзя узнать через женщину, по всей вероятности, так и останется тайной навсегда...» и добавлял: «...Еще полезнее иметь дело с женщинами-агентами, как порядочными, так и продажными. Они редко возбуждают подозрение и могут раскрыть тайну в такой обстановке, где мужчины оказались бы бессильными и недостаточно ловкими».

«По мнению штатных психологов американских и английских спецслужб, – продолжал Замир, – разведчицы-женщины действуют эффективнее, чем их коллеги мужского пола. «Шпионы в юбках» более наблюдательны, у них лучше развита интуиция, они терпеливее и скрупулезнее мужчин. Женщины придают большее значение мелочам, мимо которых пройдет разведчик-мужчина, а уж об их способностях к иностранным языкам и склонности к лицедейству

³ «Хитростью и обманом ты должен вести борьбу с врагом» – сегодня это девиз сотрудников МОССАДа.

вообще ходят легенды. Женщины лучше слышат и обладают более тонким обонянием. Но самое поразительное в том, что женщины в состоянии обдумывать несколько проблем одновременно.

Эти качества присущи всем женщинам, независимо от их расовой принадлежности, образования и социального статуса. Если же к перечисленным достоинствам добавить внешние данные, то любой скептик будет вынужден признать, что женщины по праву занимают достойное место в рядах спецслужб любой страны, являясь их украшением...»

В резолютивной части протокола совещания руководству МОССАДа было рекомендовано выйти на Центральный кагал (правление религиозных общин страны) и решить вопрос об использовании иудеек в качестве секс-оружия против объектов оперативных разработок из числа иностранцев, террористов и граждан Израиля. Другими словами, признать установление, как девицами, так и замужними особами, сексуальных отношений с врагами страны религиозной обязанностью, то есть делом благочестивым, а не распутством и супружеской неверностью. Более того, дать замужней женщине развод перед выполнением ею такого рода задания, а по завершении автоматически погасить невольный грех и предоставить ей возможность с честью вернуться в лоно семьи...

* * *

С большой долей уверенности можно утверждать, что в XXI веке наступит торжество окончательного равноправия мужчин с женщинами даже в такой специфической сфере человеческой деятельности, как контрразведка и разведка. Подтверждение тому мы находим в такой архиконсервативной стране, как Великобритания, где именно спецслужбы (это ли не парадокс?) задают тон в этом вопросе.

В книге «Разведчики и шпионы» приводятся данные об «элегантной агентуре» английских спецслужб:

«Более 40 % сотрудников МИ-6 (разведка) и МИ-5 (контрразведка) Англии – женщины. Помимо Стеллы Римингтон, до недавнего времени возглавлявшей службу МИ-5, руководителями четырех из двенадцати отделов контрразведки также являются женщины».

Выступая перед членами британского парламента, С. Римингтон заявила, что в сложных ситуациях женщины в сравнении с мужчинами зачастую оказываются более решительными при выполнении спецзаданий и в меньшей степени подвержены сомнениям и угрызениям совести за содеянное...

У российских историков спецслужб на этот счет собственное мнение. Не умаляя личных достоинств и оперативных достижений разведчиков-женщин – Африки де Лас Эрас, Китти Харрис, Елены Модржинской и многих других, с риском для жизни выполнявших спецзадания накануне и во время Второй мировой войны, – наши эксперты считают, что сильной стороной отечественной разведслужбы все-таки является сочетание психологических качеств мужчин и женщин, ведущих разведывательный промысел за кордоном. Такие «танделы», как Елизавета и Василий Зарубины, Зоя и Борис Рыбкины, Леонтина и Моррис Коэн, Гоар и Геворк Вартамян, Анна и Михаил Филоненко, Галина и Михаил Федоровы и многие другие – известные и неизвестные широкой общественности, – составили недевальвируемый золотой фонд внешней разведки СССР!

ПОД ПСЕВДОНИМОМ «СОНЯ»

Как известно, у разведчика Рихарда Зорге на связи находилось больше женщин-агентов, чем агентов-мужчин. Он интуитивно чувствовал, что от них можно получить более детальную

и более достоверную информацию. Мужчин-агентов Зорге, как правило, использовал в качестве аналитиков.

Рихард, внешне неотразимый мачо, женщин-агентов привлекал также своей напористостью, изысканным обхождением и дьявольской хитростью. Однако предпочитал держать их на безопасной эмоциональной дистанции, никогда не вступая с состоявшими у него на связи агентессами в интимные отношения. И это при том, что ни одна из них не отказала бы ему в физической близости, пожелай он этого!

Справедливости ради следует добавить, что некоторые из его секретных помощниц откровенно провоцировали его на это...

...За несколько лет до начала Второй мировой войны Зорге познакомился в Харбине с молодой, не очень привлекательной, но зато отличающейся острым аналитическим умом женщиной по имени Рут Кучински.

Искусный вербовщик, он сразу понял, что из обделенной мужским вниманием женщины можно сделать разведчицу высокого класса, сыграв на ее мнимом комплексе неполноценности. И не ошибся.

Родившись в 1908 году в еврейской семье, Рут получила разностороннее образование и своей эрудицией могла дать фору любому мужчине.

Зорге заметил, что он интересен Кучински не только как увлекательный собеседник, но и как мужчина. Вот на этом он и решил сыграть.

Проведя с женщиной несколько конспиративных встреч, он прямо предложил ей пройти в Москве разведывательные курсы. Кучински не раздумывая дала согласие.

Обучаясь на курсах, она получила псевдоним «Соня». Непосредственно перед началом войны Рут получила задание выехать в Швейцарию и там вступить в притворный брак с неким британцем по имени Лен Бертон, который тоже являлся секретным агентом НКВД.

«Соня», став миссис Бертон, получила английское подданство, что позволило ей начиная с 1943 года участвовать в грандиозной операции советских органов безопасности в Лондоне. В течение нескольких лет она мастерски привлекла к сотрудничеству с советской разведкой нескольких членов английского парламента и высокопоставленных чиновников МИД Великобритании.

В результате успешно проведенной подставы «Сони» специалисту-атомщику из Великобритании ей удалось добыть для СССР совершенно секретные данные, касающиеся английского проекта атомного оружия.

Сталин, не поскупившись, распорядился присвоить «Соне» звание полковника госбезопасности и наградить орденом Красного Знамени.

После войны Рут продолжала работать в Великобритании в качестве разведчика-вербовщика. После того как английской контрразведке удалось выйти на ее след, Центр приказал ей перебраться в ГДР. Она осела в Восточном Берлине и дожила там до падения Берлинской стены...

УБИТЬ КОМАНДАНТЕ!

Одной из самых значительных фигур среди женщин-боевиков Центрального разведывательного управления США считается Марита Лоренц. Достаточно сказать, что ей была поручена миссия по ликвидации кубинского лидера Фиделя Кастро.

В 1951 году, когда она с матерью проживала в Германии, ее, двенадцатилетнюю девочку неземной красоты, изнасиловал американский солдат. После этого у нее начались приступы редкой болезни *андрофобии* – мужененавистничества. Впрочем, болезнь не помешала ей пережить бурный роман с Фиделем Кастро, а затем стать любовницей венесуэльского диктатора Маркоса Переса Хименеса. О своих любовных романах с латиноамериканскими знаменито-

стями Марита без ложной скромности поведала в автобиографической книге «Постель разобрана, кто следующий?»

В секретных файлах ЦРУ Лоренц значилась «агентом по контракту» под псевдонимом «Вамп» и имела богатейший послужной список: входила в группу боевиков, которые в 1961 году готовились к высадке в бухте Кочинос; в 1963 году сопровождала в Даллас Ли Харви Освальда, обвиненного в убийстве президента Кеннеди; там же познакомилась с будущим убийцей Освальда, гангстером Джеком Руби.

В своей книге Лоренц недвусмысленно дает понять, что все авантюры проходили под контролем ее операторов из Лэнгли.

...28 февраля 1959 года Марита Лоренц прибыла в Гавану на круизном теплоходе «Берлин». Тогда же случилась ее встреча и взаимная любовь с первого взгляда с бородатым мачо Фиделем. Вернувшись в Нью-Йорк, Марита каждый день часами говорила по телефону с команданте, пока он не прислал за ней свой личный самолет. Затем она семь месяцев проживала в отеле «Свободная Гавана», превратив его в дом свиданий с Кастро. Логическим продолжением их тесных отношений должно было стать бракосочетание, и руководство ЦРУ в одном из докладов Джону Кеннеди поспешило назвать Лоренц «первой леди Кубы».

В своей книге Марита утверждает, что забеременела после первого же свидания с Кастро, родила недоношенного мальчика, которого у нее отняли, после чего выпроводили с Кубы. С того момента ее безумная любовь к Фиделю сменилась столь же безумной ненавистью.

По возвращении в США рядом с ней вдруг оказался агент-вербовщик ЦРУ Фрэнк Стреджис, некогда воевавший вместе с Кастро в горах Сьерра-Маэстра. В конце концов Фрэнк, его приятели и мать Мариты сумели внушить девушке, что Кастро и коммунизм олицетворяют абсолютное зло. Мать направила несостоявшемуся зятю письмо, в котором обвиняла его в изнасиловании своей несовершеннолетней дочери. Одновременно копии письма ушли президенту США и Папе римскому.

4 декабря 1961 года Марита, уже состоя в агентурном аппарате ЦРУ, предприняла блиц-поездку на Кубу, чтобы узнать, примет ли ее Фидель. Спустя три недели управление направило Лоренц в Гавану с заданием отравить Кастро. Для этого ей вручили две ампулы с токсином ботулизма, который она должна была подмешать команданте в вино.

«...Но в тот момент, когда наши взгляды встретились, – пишет Лоренц в своей книге, – я поняла, что не смогу убить его. Я вышла в туалетную комнату и утопила ампулы в унитазе. Когда я вернулась, Фидель неотрывно смотрел мне в глаза. Он спросил:

«Ты приехала, чтобы убить меня?»

Я отрицательно покачала головой. Тогда он протянул мне пистолет и произнес фразу, которая показалась мне пророческой:

«Ты не можешь убить меня. Никто не может убить меня!»

После этого я молча вернула пистолет Фиделю...»

СУПЕРАГЕНТЕССА – ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА

Хрестоматийным стал пример с Чиччолиной. Под этим псевдонимом в 1970–80 годах выступала знаменитая итальянская порнозвезда Илона Сталлер.

Эта обворожительная нимфа «таскала из огня каштаны» для своих операторов, в прямом смысле не щадя живота своего, почти тридцать лет – завербовали ее, когда ей не исполнилось и восемнадцати, а от активных дел она отошла в 47 лет.

Илону, свободно владеющую почти всеми европейскими языками, нашли сотрудники органов безопасности Венгрии в будапештской гостинице «Интерконтиненталь», где она работала официанткой. Они сделали ей предложение, от которого Сталлер не смогла отказаться, –

посулили такое жалование, что она тут же сменила профессию и стала гидом-переводчицей для иностранцев из капиталистических стран.

После вербовки формально в ее обязанности входила организация отдыха и развлечений для западноевропейцев и граждан США, в реальности же она занималась выяснением их отношения к социализму вообще и к венгерскому в частности.

Это был начальный – проверочный – этап способности Сталлер добывать оперативно значимую информацию методом выведывания, а также ее умения соблюдать конспирацию.

Когда наставники Сталлер решили, что она может дать сто очков форы легендарной Мата Хари, они помогли ей эмигрировать в Италию, где в полной мере раскрылись ее шпионские дарования.

Все то время, что Чиччолина проживала в Италии, она оказывала своей исторической родине неоценимые услуги по добыванию секретных сведений и лоббированию выгодных для Венгрии законопроектов в итальянском парламенте. Парламенте? Да! В 1987 году ей удалось пройти в нижнюю палату итальянского парламента от радикальной партии Италии.

Энергией и всепроницаемостью этой суперагентессы можно только восхищаться. Она переспала почти со всеми сенаторами – депутатами верхней палаты итальянского парламента, поэтому венгерским спецслужбам было заранее известно, какие законопроекты будут приняты, а какие не пройдут.

Кроме того, Чиччолина поддерживала интимные отношения со многими политиками и государственными деятелями, в том числе с теми, кто возглавлял силовые ведомства не только Италии, но и других западноевропейских стран.

Можно только гадать, какой высокой пробы сведения поставляла Илона своим операторам, если в венгерской службе безопасности под нее был создан целый компьютерный цех, в задачу которого входили обработка и анализ поступавшей только от нее информации...

КАЗНЬ ТАНЦОВЩИЦЫ-КУРТИЗАНКИ

Ранним утром 15 октября 1917 года расстрелом закончился земной путь реальной женщины, и началась эра красивых легенд о королеве шпионажа, куртизанке, известной под именем Мата Хари...

Невозможно перечислить все провалы Антанты, в которых обвинили (или которые невольно поставили в заслугу?!) Мату Хари в ходе состоявшегося 24 июля 1917 года судебного процесса. Официальным свидетелем обвинения от Второго бюро (французская контрразведка) был назначен капитан Жорж Ладу. Судебный процесс достиг апогея, когда он перешел к оглашению 10 основных пунктов обвинения:

1. Подсудимая руководила операциями немецкой агентуры во Франции.
2. У своих любовников, офицеров Антанты, выведала план обороны Франции и передала его немцам.
3. Выдала немцам сеть французской разведки из 66 секретных агентов.
4. Предупредила германское высшее командование о наступлении войск союзников в районе реки Сомма, в ходе которого они потеряли около 1 миллиона солдат и офицеров.
5. Подготовила потопление 17 британских войсковых транспортов.
6. Скрываясь под личиной сестры милосердия и выхаживая раненого штабс-капитана русской армии Вадима Маслова, выведала с его помощью французские секретные оперативные планы.
7. Выдала немцам британский морской план, что привело к гибели крейсера «Гэмпшир» с фельдмаршалом лордом Китченером на борту.
8. Передала немцам планы оперативных полетов французской авиации.
9. Раздобыла секретные чертежи английского танка.

10. Передала немцам план обороны Вердена.

Сегодня установлено, что так называемые *основные пункты обвинения* – сплошь лживы, ибо все то, что инкриминировалось Мате Хари, совершили более десятка немецких агентов, проникшие в правительственные круги и в военное министерство. Среди них были и три женщины-агентессы. Во главе троицы – Элизабет Шрагмюллер, вошедшая в историю тайных войн спецслужб под псевдонимом «Фрау Доктор».

Более того, современные исследователи, проводившие анализ деятельности разведок Франции и Германии начала 1900-х, констатируют:

«...в архивах отсутствуют материалы, которые можно было бы считать уликами против Маты Хари. По нашему твердому убеждению, она стала идеальной фигурой «и для битвы, и для бритья». Для французов – чтобы списать все просчеты своего Генштаба и принизить заслуги германского командования. Для немцев – чтобы прикрыть плеяду особо ценных агентов, инфильтрованных в правительственные органы Франции».

Почему же в ходе судебного разбирательства Мата Хари была признана виновной? Ответ прост: ко времени заседания суда свой вердикт: «виновна» уже вынесла французская пресса. Захлебываясь от душераздирающих и щекочущих воображение обывателя подробностей, газеты обвиняли Мату Хари во всех провалах французского военного министерства. Ее положение усугублялось тем, что все предъявленные ей обвинения легли в благодатную почву общественного мнения, взбудораженного огромными людскими потерями в 1914–1917 годах. В сложившейся ситуации нужно было найти фигуру для жертвоприношения. Народ Франции жаждал крови в отместку за пролитую на полях сражений, и правительство бросило Мату Хари на растерзание...

У каждого поколения своя легенда. Иногда одна легенда может очаровать несколько поколений. Именно так случилось с Матой Хари, которую легенда сделала шпионкой высочайшей – «четыре девятки» – пробы. То, что она была великой куртизанкой, игравшей в шпионов, – вне сомнений. Но за это не расстреливают! Тогда что еще? Увы, сегодня истину установить невозможно, ибо в легенде о нашей героине неразрывно сплелись:

- ее собственная ложь;
- мифы о похождениях плеяды немецких шпионов;
- горстка реальных фактов;
- заказные статьи журналистов;
- сочинения голливудских сценаристов и импровизация киноактрис.

Сегодня, спустя 99 лет после казни блудливой дивы, мировая общественность демонстративно игнорирует однозначно отрицательные ответы на вопрос о ее принадлежности к спецслужбам Германии и Франции. Впрочем, окончательной разгадки ждать недолго. В 2017 году с документов «процесса века» должны снять гриф секретности.

ОЛЬГА ЧЕХОВА И ПОКУШЕНИЕ НА ГИТЛЕРА

После того как фашисты были отброшены от Москвы и больше о парадах на Красной площади не помышляли, 4-е диверсионно-разведывательное Управление НКВД СССР по указанию Сталина стало разрабатывать план уничтожения Гитлера.

Начальник Управления Судоплатов и его заместитель Эйтингон решили, что смертельный удар Гитлеру следует нанести именно в Германии. Но для этого надо было найти человека, который смог бы, не вызывая подозрений у гестапо, организовать покушение. И такой человек был найден.

В результате многоходовой оперативной комбинации в Берлине оказался агент НКВД Игорь Миклашевский, где стал одним из руководителей антисоветского «Русского комитета»,

занимавшегося вербовкой плененных советских солдат и офицеров для немецкого воинского формирования «Восточный легион».

Чтобы проникнуть в ближайшее окружение фюрера, Миклашевский установил контакт со знаменитой немецкой актрисой Ольгой Чеховой, которая, пользуясь безусловным доверием Гитлера и его жены Евы Браун, общалась с ними в неформальной обстановке.

В 1922 году, выехав из России в Германию для получения театрального образования, Ольга, женщина неземной красоты и яркого таланта, добилась ошеломляющего успеха. Снялась в десятках кинофильмов в Германии, Франции, Австрии, Чехословакии и в Голливуде. В 1936 году ей по инициативе Гитлера было присвоено высшее театральное звание – государственная актриса Германии.

Насколько было известно генералу Судоплатову от закордонной агентуры, Чехова, покоров западный театральный Олимп, осталась патриоткой своей исторической родины. Поэтому Судоплатов рассчитывал, что она и польский князь Радзивилл (секретный агент НКВД) могли (гипотетично!) обеспечить Миклашевскому доступ к Гитлеру.

Однако в 1943 году Сталин отказался от своего первоначального намерения физического устранения Гитлера, потому что был уверен: как только фюрер будет уничтожен, нацистские круги и германский генералитет заключат сепаратный мир с Англией и США без участия Советского Союза.

В середине 1990-х на московских книжных развалах появилась книга Серго Берия, в которой он утверждал, что Ольга Чехова входила в состав *личной* агентурной сети его отца, приснопамятного главы НКВД Лаврентия Павловича.

Со слов С.Б., все руководители советских спецслужб по примеру Сталина имели свою *личную* тайную агентуру, которая не подлежала регистрации и постановке на учет, поэтому, дескать, в архивах отсутствует и оперативный псевдоним, и фамилия Ольги Чеховой. Но агентом она тем не менее являлась!

К сожалению, этот ложный посыл подхватили некоторые московские литераторы, принявшись мушкетировать заведомо негодную тему.

Все огульные утверждения о причастности Ольги Чеховой к агентуре НКВД, как и о ее помощи органам госбезопасности СССР, экс-начальник кабинета истории Службы внешней разведки полковник В. С. Антонов отмечает категорично: «Досужие домыслы дилетантов!»

Глава третья. Великий мастер разведки

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

В январе 1992 года меня и троих студентов из северокавказских республик руководство Литературного института делегировало для участия в похоронах знаменитого детского писателя Воскресенской Зои Ивановны.

Смеркалось, когда мы отыскивали место на Новодевичьем кладбище, где проходила панихида. В темноте мы столкнулись с группой пожилых мужчин в генеральских шинелях, которые молча прижимали к груди вишневые подушечки с орденами и медалями. Рядом – шеренга солдат почетного караула с карабинами наизготовку.

«Ты куда нас привел, Сусанин?! – зашипели кавказцы. – Здесь хоронят какого-то полководца!»

Я уже было хотел отшутиться, что у нас в Москве так хоронят полководцев от литературы, как мертвую тишину разорвал мегафон: «Слово предоставляется генерал-лейтенанту КГБ Судоплатову Павлу Анатольевичу – боевому товарищу Зои Ивановны Воскресенской-Рыбкиной!»

Генерал огорошил толпу в шубах и дубленках: «Лишь вторую половину жизни Зоя Ивановна была мастером пера, а вообще-то она – мастер разведки, полковник, воспитанница ОГПУ. Положа руку на сердце могу сказать, что она рождена для разведки, как птица для полета... Настал момент истины, пора рассекретить и саму Зою Ивановну, и снять гриф секретности с ее подвигов!..»

Львицы столичного бомонда в роскошных норковых манто зашлись в истерике: «Это что ж такое творится?! Нашу любимицу Зоиньку, кумира детей и родителей пяти континентов, какой-то густопсовый кагэбист хочет опорочить связью с кровавым ОГПУ?! Не бывать тому!» Ну, и так далее, и тому подобное. Вмешался мегафон, и хвалебные речи московских литераторов, в коих не было и намека на героическое военное прошлое усопшей, заполнили кладбищенский эфир. Завершилась панихида согласно воинскому ритуальному уставу – троекратным залпом...

С речи генерала Судоплатова началось и в Зале истории внешней разведки РФ продолжилось мое знакомство с великим мастером разведки полковником Зоей Ивановной Воскресенской-Рыбкиной. Жаль, заочное...

ВОСТРЕБОВАНА МНОГОКРАТНО

Зоя Ивановна Воскресенская родилась 28 апреля 1907 года на станции Узловая Бочаровского уезда Тульской губернии в семье помощника начальника железнодорожной станции. Детство провела в городе Алексин. В 1920 году ее отец Иван Павлович умер от туберкулеза, и его вдова Александра Дмитриевна перевезла Зою и двух ее младших братьев в Смоленск. Вскоре она слегла от тяжелой болезни, и Зоя была вынуждена в одиночку содержать семью.

В четырнадцать лет Зоя – библиотекарь 42-го батальона войск ВЧК, в семнадцать – политрук в колонии малолетних преступников, в девятнадцать – делопроизводитель в штабе Частей особого назначения (ЧОН) Смоленской губернии. Затем она трудилась на заводе имени М. И. Калинина и занималась комсомольской работой. В двадцать лет Зоя вышла замуж за комсомольского активиста В. Казутина и родила сына.

В начале 1928 года Воскресенская, став кандидатом в члены ВКП(б), принята на работу в Заднепровский райком партии Смоленска заведующей учетно-распределительным подотделом орготдела. А в конце того же года по партийной путевке уехала в столицу на работу в Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской. Перед отъездом Зоя развелась с Казутиным и сына поднимала вместе с матерью, которая тоже перебралась в столицу.

В апреле 1929 года Воскресенскую приняли в члены партии, и в августе она стала сотрудницей Иностранного отдела ОГПУ – внешней разведки. Во время обучения на разведывательных курсах у нее обнаружились потрясающие лингвистические способности: через месяц занятий она по-немецки говорила не хуже коренной жительницы Берлина!

Дебют ее разведывательной деятельности состоялся в Харбине в начале 1930 года. Никому из ее сослуживцев в советском синдикате «Союзнефть» и в голову не могло прийти, что красавица делопроизводитель Зоя с блеском выполняет ответственные задания Центра во время жестокой борьбы на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). А большую часть своей закордонной разведывательной жизни Зоя Ивановна проведет в Хельсинки и Стокгольме: в 1935–1939 годах, работая в Финляндии, в 1941–1944 годах – в Швеции.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ ТАНДЕМ

В конце 1935 года Воскресенская, к тому времени искушенная разведчица, за плечами которой многообразный, в том числе и закордонный, опыт работы, направлена на работу в Финляндию заместителем резидента. Ее официальное прикрытие – должность руководителя советского представительства ВАО «Интурист» в Хельсинки. Оперативный псевдоним – «Ирина». Ей хватило трех месяцев, чтобы овладеть финским языком настолько, что финны принимали ее за местную жительницу.

В начале 1936 года резидент советской внешней разведки в Финляндии был отозван в Москву и на его место прибыл титулованный разведчик Рыбкин Б. А. Его официальное прикрытие – заведующий консульским отделом по фамилии Ярцев. Кодовое имя – «Кин».

Справка из рассекреченного архива НКВД СССР

Борис Аркадьевич Рыбкин родился 19 июня 1899 года в Екатеринославской губернии в многодетной нищенствующей семье еврея-ремесленника. Окончив 4 класса сельской школы, десятилетний пацан, никогда в жизни не евший досыта, в поисках лучшей доли перебрался в Екатеринославль и, чтобы заработать на кусок хлеба, устроился в типографию учеником наборщика, где проработал 8 лет. В свободное от работы время много читал, занимался самообразованием. Без отрыва от производства окончил коммерческое училище. В 1917 году экстерном сдал экзамены за среднюю школу и стал учиться в Петроградской Горной академии.

В 1920–1921 годах Рыбкин – красноармеец Рабоче-крестьянской Красной армии, затем – боец Екатеринославской ЧК. Окончив Высшую школу ОГПУ, Рыбкин служит в контрразведывательных подразделениях. В 1931 году «за беспощадную борьбу с контрреволюцией» награжден именным боевым оружием, переведен на работу во внешнюю разведку и направлен в длительную командировку в Париж, где проработал до 1934 года. Затем последовали командировки в Персию, Болгарию, Австрию и вновь в Париж.

За время работы во внешней разведке Рыбкин Б. А. награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета» и двумя десятками медалей.

Отношения между «Кином» и «Ириной» не сложились изначально. Резидент-холостяк по отношению к своему очаровательному заместителю был предельно официален и требователен, стремясь доказать свое главенствующее положение как в должностном, так и в оперативном плане. Вот что об этом рассказывала позже Зоя Ивановна:

«Мы спорили по каждому поводу. Я решила, что не сработаемся, и попросила Центр отозвать меня. В ответ мне было приказано помочь новому резиденту войти в курс дел, а потом вернуться к этому вопросу».

Однажды в споре Ярцев обмолвился, что военный разведчик Германии Вальтер Николаи стал для него авторитетной фигурой после ознакомления с его трудом «Тайные силы». Чтобы узнать, чем же вражеский разведчик привлек внимание шефа, «Ирина» взяла книгу в посольской библиотеке. И – находка! – в одной главе утверждалось, что в разведке женщины работают эффективнее, чем их коллеги-мужчины.

Зная о привычке Ярцева делать обход рабочих кабинетов резидентуры перед уходом домой, Зоя Ивановна «забыла» убрать книгу в сейф, оставив ее открытой на странице, где превозносилась роль женщин-разведчиц.

На следующее утро резидент попытался устроить разнос своему заму «за халатное отношение к работе с документами». Они проговорили до самого обеда. Изобретательность «Ирины» заставила «Кина» взглянуть на нее под другим углом и сражение, нет – *междусобойную* войну выиграли оба, а свидетельством обоюдной победы была шифртелеграмма в Москву за двумя подписями. Об этом Воскресенская написала в своих мемуарах:

«Мы запросили Центр разрешить нам пожениться. Я была заместителем резидента, и мы опасались, что Центр не допустит такой «семейственности». Но Москва дала «добро».

Так одним из первых в советской внешней разведке появился супружеский тандем разведчиков. Зоя Ивановна по жизни стала Воскресенской-Рыбкиной, а в иночестве – «мадам Ярцевой»...

«ОХОТНИЦА ЗА ГОЛОВАМИ»

«Ирина», будучи прекрасным психологом и свободно владея немецким и финским языками, активно привлекала к секретному сотрудничеству финнов и других иностранцев, аккредитованных в Финляндии. Так, ее источником была жена высокопоставленного сотрудника японского посольства в Хельсинки, которая работала на «Ирину» в течение длительного времени, в результате чего Москва получила доступ ко многим секретам финской дипломатии.

Для решения разведывательных задач «Ирина» неоднократно выезжала из Хельсинки в Стокгольм, а также в Норвегию, где координировала работу группы из агентов и разведчиков-нелегалов. И это было всего лишь одно из направлений ее оперативной деятельности в Финляндии.

«Кин», ставший временным поверенным в делах СССР в Финляндии, по личному указанию Сталина установил секретные контакты и вел *деликатные* переговоры с финским высшим руководством с целью заключения пакта о ненападении и сотрудничества между двумя странами; недопущения на финскую территорию немецких войск в случае возникновения войны, а также о взаимном обмене территориями.

К сожалению, из-за того, что политический курс финского правительства развивался в фарватере устремлений фашистской Германии, эти переговоры не принесли положительного результата. Позже известный финский политический деятель, экс-президент Финляндии Урхо Кекконен говорил по этому поводу:

«Переговоры 1939 года не имели успеха не по вине поверенного в делах СССР в Хельсинки господина Ярцева, а вследствие недостатка интереса к этому вопросу со стороны Финляндии».

Военный конфликт с Финляндией вынудил супругов Ярцевых покинуть страну.

ОРАКУЛ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

В 1939 году по возвращении в Москву Воскресенская-Рыбкина занялась аналитической работой и вскоре стала одним из самых авторитетных аналитиков в системе разведки. Заместитель начальника советской внешней разведки того периода генерал Судоплатов по этому поводу вспоминал:

«С ноября 1940 года мы все находились в состоянии повышенной боевой готовности. К этому времени Зоя Рыбкина и ее непосредственный начальник Павел Журавлев завели литературное дело под кодовым названием «ЗАТЕЯ», где сосредоточивались информационные материалы о подготовке Германии к войне против Советского Союза. С помощью этого дела было легче регулярно отслеживать развитие немецкой политики, в частности, ее возрастающую агрессивность. Данные из этого литературного дела постоянно поступали к Сталину и Молотову, что позволяло им корректировать их политику в отношении Гитлера».

Именно к Воскресенской-Рыбкиной стекались все разведданные от знаменитой «Красной капеллы» – группы антифашистов, действовавших в гитлеровской Германии. Во главе организации стоял оберлейтенант штаба ВВС Германии Харро Шульце-Бойзен (агент НКВД «Старшина»), племянник гросс-адмирала Тирпица, и Арвид Хорнак (агент НКВД «Корсиканец»), ведущий сотрудник министерства экономики Германии.

С января 1941 года они независимо друг от друга, практически ежедневно информировали Москву о реальности нападения Германии на Советский Союз. В апреле «Корсиканец», ссылаясь на данные, добытые в общении с лицами из окружения главы внешнеполитического отдела НСДАП Альфреда Розенберга, доложил в московский Центр: «Вопрос о вооруженном выступлении против СССР решен». Ему вторил «Старшина»: «Окончательно решен вопрос о выступлении Германии против Советского Союза. Начало его следует ожидать в ближайшее время».

17 июня 1941 года Зоя Ивановна закончила подготовку той знаменитой аналитической справки для И. В. Сталина, где утверждалось, что нападения Гитлера на Советский Союз можно ожидать в любой момент. Вспоминая об этом, она писала в своих мемуарах:

«Специализированная группа под моим руководством и непосредственным участии проанализировала информацию о военных планах гитлеровского командования и подготовила докладную записку. Для этого мы отобрали материалы из наиболее достоверных источников, проверили надежность каждого агента, дававшего информацию о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз.

Аналитическая справка вышла довольно объемистой, но резюме – кратким и четким: «мы на пороге войны».

17 июня 1941 года я, опираясь на последние сообщения «Старшины» и «Корсиканца», с волнением поставила точку в документе. Его заключительным аккордом звучала фраза: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Подчеркиваю, это было 17 июня 1941 года. Тогда же начальник внешней разведки П. М. Фитин повез доклад лично И. В. Сталину.

Иосиф Виссарионович ознакомился с нашим докладом и отшвырнул его. «Это блеф, – раздраженно сказал он. – Не поднимайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получите разберитесь!»

У Зои Ивановны была возможность и лично убедиться в близости войны. Чтобы опровергнуть слухи о якобы готовящемся нападении на СССР и продемонстрировать свою приверженность заключенному в 1939 году германо-советскому договору, руководство Германии в первой декаде июня 1941 года прислало в Москву группу солистов балета Берлинской оперы.

Германский посол в Москве граф Вернер фон Шуленбург устроил в здании посольства прием в их честь и пригласил солистов Большого театра. Присутствовала на приеме и представитель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) госпожа Ярцева. В ее задачу, в частности, входило оценить обстановку в посольстве и настроение его сотрудников.

Ослепительная красота госпожи Ярцевой не могла не привлечь внимания посла. При первых же аккордах «Венского леса» гениального Иоганна Штрауса граф Шуленбург пригласил ее на тур вальса. В ритме танца Зоя Ивановна прошла с послом по всему залу. Заметила, что на стенах смежных комнат были отчетливо видны светлые прямоугольные пятна от снятых картин. Не ускользнула от разведчицы и груда чемоданов, возвышавшихся напротив приоткрытой двери одной из комнат. Наблюдения Зои Ивановны являлись подтверждением, хотя и косвенным, агентурных данных о скором начале войны. Обо всем увиденном она в тот же вечер письменно доложила руководству внешней разведки, отметив в заключении:

«Германское посольство в Москве по указке из Берлина ведет продуманную в мельчайших деталях и нюансах, тщательно скоординированную и неукоснительно претворяемую в жизнь дезинформационную кампанию, чтобы ввести в заблуждение советское руководство относительно целей Гитлера и, таким образом, зашифровать готовящееся нападение на СССР».

РАЗВЕДЧИКИ В РЯСАХ

С первых дней войны Воскресенская-Рыбкина вошла в Особую группу НКВД, возглавляемую заместителем начальника внешней разведки генералом Судоплатовым П. А. Особая группа занималась подбором, обучением и заброской в тыл врага диверсионных и разведывательных отрядов. И Зоя Ивановна стала одним из создателей партизанского отряда № 1 под командованием легендарного Никифора Захаровича Каляды по прозвищу «Батя». Отряд действовал в районе треугольника Орша-Витебск-Смоленск и уже в 1941–1942 годах сумел восстановить там советскую власть.

Воскресенская-Рыбкина приложила руку и к созданию и заброске в тыл противника разведывательной группы № 1, которая с ее подачи работала под весьма оригинальным – церковным – прикрытием. В своих мемуарах она пишет:

«Я узнала, что в военкомат обратился епископ Василий, в миру Василий Михайлович Ратмиров, с просьбой направить его на фронт, «дабы послужить Отечеству и оборонить от фашистских супостатов православный люд».

Я пригласила его к себе домой и в течение нескольких часов убеждала его взять под свою опеку двух разведчиков, которые не мешают ему выполнять долг архипастыря, а он «прикроет» их своим саном. Больше всего святого отца заботило, не осквернят ли его «подручные» храм Божий кровопролитием. В итоге он дал согласие, и на следующий день в моей квартире началось обучение двух сотрудников внешней разведки – «Васько» (старший группы) и «Михася» богослужению: молитвам, обрядам, облачению...

18 августа разведгруппа, которую наши острословы окрестили «Святой троицей», начала вести службы в Покровской церкви Пресвятой Богородицы в г. Калинин, а когда немцы ее разбомбили, переехала в городской собор.

С захватом немцами г. Калинин разведчики стали выполнять задания по широкому фронту: собирали сведения о дислокации немецких штабов, складов и баз; о численности войск и наличии у них новых образцов оружия; выявляли пособников оккупантов; налаживали контакты с населением. Для связи с Центром «Святой троице» была придана радистка «Марта».

Результаты разведывательной деятельности группы «Васько» были более чем убедительны: выявлены две резидентуры Абвера; разоблачены более тридцати агентов гестапо; обна-

ружены тайные склады оружия, которые гитлеровцы законсервировали при отступлении, надеясь вернуться через некоторое время.

Не обошлось без казусов. Однажды при выходе из собора на отца Василия с криком: «Амбец тебе, фашистский прихвостень!» набросился местный милиционер, скрутил его и доставил в штаб СМЕРШа. Хорошо, что в нужное время и в нужном месте оказался заместитель начальника местного управления НКВД подполковник Крашенинников (только он один знал о группе «Васько»), и инцидент был исчерпан.

Патриотизм и убежденность в правоте веры отца Василия были высоко оценены Синодом: ему присвоили сан архиепископа с разрешением отправлять службы в соборе Смоленска. От внешней разведки Василий Михайлович Ратмиров получил в награду золотые часы. Кадровые разведчики «Васько», «Марта» и «Михась» были награждены соответственно: орденом «Знак Почета», медалями «Партизану Отечественной войны» I степени...»

ТАНДЕМ «КИН – ИРИНА» В СТАНЕ ВИКИНГОВ

В конце 1941 года руководство разведки приняло решение направить супругов Ярцевых в Стокгольм. «Кина» – резидентом под дипломатическим прикрытием советника посольства. «Ирину» – заместителя резидента – под «крышей» личного пресс-атташе посла Александры Коллонтай.

Позже генерал Судоплатов П. А. вспоминал: «В дипломатических кругах Стокгольма эту русскую красавицу знали как Зою Ярцеву, блиставшую не только аристократически изысканной красотой, но и прекрасным знанием немецкого и финского языков. Супруги пользовались большой популярностью в шведской столице».

«Играя на чужом поле», супруги-разведчики добывали разведывательные сведения; приобретали источники информации, то есть создавали оперативные позиции в тех пластах западноевропейских стран, которые являлись объектами устремлений советской внешней разведки; устанавливали и развивали контакты с членами антифашистского движения Сопротивления в оккупированных гитлеровцами странах, куда «Ирина» с риском оказаться в гестаповских застенках регулярно выезжала под разными легендами.

Нисколько не преувеличивая заслуг разведывательного тандема «Кин – Ирина», можно с полным основанием утверждать, что благодаря их усилиям и подвижнической деятельности Швеция до конца войны осталась нейтральной, а Финляндия досрочно вышла из гитлеровской коалиции!

ИЗ РАЗВЕДКИ – В ГУЛАГ

В марте 1944 года супруги возвратились в Москву. Борис Аркадьевич в должности начальника одного из оперативных отделов внешней разведки курировал заброску нелегальной агентуры и разведывательно-диверсионных групп в оккупированные немцами страны Восточной Европы. Зоя Ивановна вернулась к аналитической работе, а когда закончилась война, была назначена начальником немецкого отдела внешней разведки.

27 ноября 1947 года полковник Рыбкин погиб под Прагой при исполнении служебных обязанностей. Официальная версия – автомобильная катастрофа. Однако Зоя Ивановна в нее не верила и собиралась провести собственное расследование, но руководство разведки запретило ей любые действия.

5 марта 1953 года, когда полковнику Воскресенской-Рыбкиной до выхода на пенсию по выслуге лет оставалось чуть больше года, умер Сталин. Вот как она вспоминает об этом:

«После траурных дней стали приоткрываться черные страницы неоднозначной личности «отца народов». Начались аресты тех, кто участвовал в расправах 1937–1938 годов. На Лубянке

поспешно освобождались от старых кадров, увольняли, как это обычно у нас делалось, всех подряд. Под подозрение брали каждого».

В августе 1953 года в своем рабочем кабинете без предъявления обвинения был арестован начальник Четвертого управления НКВД генерал-лейтенант Судоплатов, под чьим началом Зоя Ивановна долгое время и результативно работала. В декабре на отчетно-выборном партийном собрании, где ее выдвигали в партком управления внешней разведки, она, будучи офицером чести и непоколебимой чекистской принципиальности, выступила в защиту Павла Анатольевича, сказав о нем много добрых слов. На следующее утро ей объявили об увольнении «по сокращению штатов». Вместе с тем должность начальника отдела, которую она занимала, не была упразднена.

Реальная угроза остаться и без любимого дела, которому она посвятила 25 лет жизни, и без пенсии заставила Зою Ивановну действовать решительно и бескомпромиссно. И она добилась справедливого решения по «своему делу»: ей дали доработать до пенсии... в ГУЛАГе.

Больше года полковник-орденоносец Воскресенская-Рыбкина, входившая в элиту советских разведчиков, работала в Воркутинском лагере (Ворлаг) для особо опасных преступников на лейтенантской должности. Поэтому и пенсия ей была назначена по лейтенантскому тарифу...

...Накануне прибытия Зои Ивановны в лагерь в Воркуте и в окрестных деревнях пропал мужской одеколон «Шипр». Все запасы скупили офицеры Ворлага, как только узнали, что к ним едет работать красивая незамужняя женщина-полковник. Действительно, в свои сорок семь Зоя Воскресенская-Рыбкина по-прежнему была неотразима...

БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ, ВО СЛАВУ ДЕРЖАВЫ

4

Система, которой Зоя Ивановна отдала лучшие годы своей жизни, ударила ее наотмашь и обожгла душу. Но она, благородный рыцарь разведки, ответила Системе великодушно: она ее простила. Осталось излечить душу. И целебное снадобье было найдено. Им стал литературный труд, а с ним состоялось и чудесное возвращение к жизни. Воистину в ее фамилии – *Воскресенская* – сокрыт глубокий смысл!

Талантливый человек талантлив во всем, поэтому неудивительно, что Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина, разведчица-кудесница, стала виртуозом пера. Она – лауреат Государственной, премии Ленинского комсомола и многих литературных премий. Ее книги изданы тиражом в 21 миллион 642 тысячи экземпляров и переведены на 24 языка мира.

И последнее. Последнее по очередности, но не по важности. То, что ратный и писательский труд Зои Ивановны отмечены самыми высокими наградами Родины: орденом Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды и десятком медалей, известно всем, а вот то, что станут ли когда-нибудь достоянием общественности ее подвиги, не знает никто, ибо большинство архивных материалов, касающиеся оперативной деятельности великого мастера разведки Зои Воскресенской-Рыбкиной, до сих пор содержат данные высочайшей степени секретности...

⁴ БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ, ВО СЛАВУ ДЕРЖАВЫ – девиз сотрудников российской (советской) внешней разведки.

Глава четвертая. Елизавета Зарубина: ас вербовок

КИНОШНЫЙ ШПИОНАЖ И РЕАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА

Шпионаж (разведка) – деятельность, окутанная флером таинственности, – неизменно вызывает живой интерес у людей, невзирая на пол и возраст. Когда же в шпионском (разведывательном) промысле ключевой фигурой выступает женщина, интерес становится маниакальным. Достаточно вспомнить, как в Западной Европе и в США принимали киносессию Маты Хари, танцовщицы-куртизанки, казненной французами за шпионаж в пользу Германии. В течение 55 лет (1931–1985 гг.) кассовые сборы от этих фильмов били все рекорды, а Джеймс Бонд нервно курил в сторонке. И дело не только в шарме Греты Гарбо, Марлен Дитрих, Жанны Моро, Сильвии Кристиль – звезд, воплотивших в кино образ «королевы шпионажа», нет! Одно уже то, что стержнем шпионской интриги была женщина, завораживало и действовало гипнотически. И невдомек было зрителю, что Мата Хари – всего лишь агент, исполнительница замысла тайного наставника, который ею руководил, который-то и замутил воду, чтобы поймать в ней золотую рыбку.

В реальных спецслужбах наставник агента называется *оператором*. Он отрабатывает *линию поведения* (роль) агенту и научает, как ее *придерживаться* (играть) в разных ситуациях. Оператор в разведке – это руководитель, гуру агента или бригады агентов.

Накануне и в годы Второй мировой войны оператором блистательной плеяды агентов была советская разведчица Зарубина Елизавета Юльевна. Разносторонне образованная интеллигентка, психолог, натура утонченная и вместе с тем отважный и бескомпромиссный оперативник, она действовала не в духе наставника киношной шпионки – нет! – мудрее и эффективнее. Да и на связи у нее состояли агенты, не чета Мате Хари, – ученые, дипломаты, офицеры. Впрочем, к чему слова? Достаточно вникнуть в любой эпизод ее оперативно-агентурной работы, чтобы на вопрос: «А женское ли это дело – занятие разведкой?» – уверенно ответить: «Да!»

РОЗЕНЦВЕЙГ СТАНОВИТСЯ ЗАРУБИНОЙ

Елизавета Юльевна Зарубина (в девичестве – Лиза Иоэльева Розенцвейг) родилась 31 декабря 1900 года в селе Ржавенцы Хотинского уезда Северной Буковины, которая в то время была частью Австро-Венгрии, после Первой мировой войны отошла Румынии, а сегодня входит в состав Черновицкой области Украины. Отец Елизаветы – Иоэль Розенцвейг, арендатор и управляющий лесным хозяйством богатого польского имения, – был разносторонне образованным и начитанным человеком. Он обожал русских классиков и сумел привить своим детям любовь к русской литературе и к России вообще. Гаевский, хозяин имения, – бонвиван и транжира – появлялся лишь для того, чтобы набить карманы деньгами, а затем спустить их за столами казино и в публичных домах западноевропейских столиц. Так что Иоэль Розенцвейг мог бесконтрольно употреблять доходы от сбыта леса по собственному усмотрению. Семья не роскошествовала, но ни в чем себе не отказывала даже в лихолетье Первой мировой войны. Лиза, к примеру, окончив гимназию, училась на историко-филологическом факультете Черновицкого университета, где плата за обучение была одной из самых высоких в Европе.

В 1920 году, окончив три курса, она уговорила отца отправить ее и младшего брата учиться в Сорбонну. Трезво оценив сложившуюся в Восточной Европе после окончания войны обстановку и найдя ее чреватой потрясениями и катаклизмами, старший Розенцвейг одобрил

выбор детей. Но в Сорбонне Лиза проучилась всего год. Решив, что ее место в гуще исторических событий, она перебралась в Вену и поступила в столичный университет. Там Лиза вышла замуж за румынского коммуниста и некоторое время носила его фамилию Гутшнекер, но вскоре брак распался.

В июне 1923 года под влиянием двоюродной сестры Анны Паукер Лиза вступила в коммунистическую партию Австрии и окунулась в подготовку «мировой революции»: составление и распространение прокламаций, организацию забастовок, игру в кошки-мышки с полицией и т. п. Конспирация – превыше всего, поэтому товарищи по подполью знали ее только по псевдониму «Анна Дейч».

В 1924 году, окончив Венский университет, Лиза получила диплом переводчика немецкого, французского и английского языков, добавив их к знакомым ей с детства идишу, румынскому и русскому (заметим, любимым ею был русский!). В том же году Советское дипломатическое представительство в Вене пригласило ее на работу в качестве переводчика.

Революционная биография, искренняя симпатия к Советскому Союзу, блестящее владение шестью языками не могли не привлечь внимание сотрудников Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ (внешняя разведка), работавших под прикрытием советского полпредства. Они досконально изучили Лизу и на заданиях проверили ее разведывательные способности. Убедившись в ее честности, надежности, хладнокровии и умении соблюдать конспирацию, в марте 1925 года ее приняли в разведку. Работала она под кодовым именем «Эрна». Получив советское гражданство, перешла из австрийской компартии в ВКП(б). В качестве штатного оперативного сотрудника венской резидентуры ИНО ОГПУ «Эрна» выполняла специальные задания в Турции и Франции. Причем работала под чужим именем и с вымышленной биографией. Здесь раскрылись недюжинные способности «Эрны» как талантливого вербовщика.

В феврале 1928 года «Эрна» впервые приехала в Москву. Под фамилией Горская ее зачислили в центральный аппарат Иностранного отдела. В том же году она вышла замуж за именитого разведчика Василия Михайловича Зарубина и вновь поменяла анкетные данные, став Елизаветой Юльевной Зарубиной. Руководство ИНО использовало их брак в оперативных целях: реализуя проект «Супруги», Зарубиных направили за рубеж с перспективой нелегальной работы по Франции. Решение было мотивировано тем, что в 1927 году под надуманным предлогом Англия разорвала дипломатические отношения с СССР, и Франция готовилась последовать ее примеру. Обстановка в Европе накалялась с каждым днем, ее усугубляла белогвардейская эмиграция, которая стремилась спровоцировать новый «крестовый поход» против Советского Союза.

РЕКЛАМНОЕ БЮРО «КОЧЕК»

Тайная жизнь разведчиков-нелегалов Василия и Елизаветы началась с выезда в Копенгаген. Выдавали они себя за коммерсантов из Чехии – супругов Кочек. Чтобы закрепиться в Дании, разведчики должны были иметь надежное прикрытия, то есть найти занятие, которое оправдывало бы их пребывание в стране. Помог случай – этот бескорыстный покровитель разведчиков. Супруги познакомились с неким Нильсеном, владельцем небольшой оптовой фирмы. Знакомство переросло в дружбу, и вскоре Зарубины стали компаньонами коммерсанта. С его помощью разведчики-нелегалы получили разрешение на длительное пребывание в Дании, то есть полностью легализовались. Однако из Центра пришло указание срочно перебраться во Францию, где разведывательному тандему предстояло осесть на длительное время.

В предместье французской столицы, живописном городке Сен-Клу, Зарубины сняли небольшой меблированный домик с гаражом. Однажды, когда Василий ремонтировал свое авто, сосед, впечатленный его сноровкой, предложил ему основать совместное предприятие по ремонту машин. Василий от предложения не отказался, но заметил, что у него отсутствует разрешение на постоянное проживание в стране. Сосед воспользовался своими связями в полиции, и разведчики получили постоянный вид на жительство во Франции. Дальше – больше: тот

же француз ввел Зарубиных в круг своих многочисленных друзей, принадлежавших к мелкой буржуазии. Обрастание нейтральными связями способствовало успешной легализации разведчиков в стране. Пора было приступить к выполнению задания: подобрать курьеров для связи с Центром; подыскать конспиративные квартиры; принять на связь ряд агентов; заняться поиском и приобретением потенциальных источников информации. Словом, с нуля создать дееспособную нелегальную резидентуру.

Чтобы расширить пространство для разведывательного маневра, надо было переехать в Париж и найти нового компаньона, который бы помог вести какое-то дело. Поиски увенчались успехом, и супруги открыли рекламное бюро.

Вначале рекламное бюро «Кочек» занималось продвижением на рынок кулинарной продукции, затем перешло на выпуск кинорекламы. Устойчивые контакты с известными западноевропейскими киностудиями и прокатными компаниями способствовали созданию привлекательного имиджа бюро, деньги стали поступать из всех городов страны. Когда же Зарубины начали поставлять рекламу на экспорт и во Францию потоком пошла иностранная валюта, бюро получило режим наибольшего благоприятствования, а супругов стали принимать в высшем столичном обществе. Василий даже был избран в президиум жокейского клуба, членами которого состояли «жирные коты» – представители промышленного олигархата Франции.

Центр оценил усилия разведчиков по легализации в стране пребывания, но напомнил им, что магистральным направлением деятельности резидентуры является добывание информации по Германии. Следуя установке Центра и используя наработанные связи в Париже, «Вардо» (новое кодовое имя Елизаветы Юльевны) завербовала венгерского журналиста, эксперта в вопросах франко-германского диалога (псевдоним – «Росс»), который работал техническим секретарем депутата французского парламента и стенографистку германского посольства в Париже (псевдоним – «Ханум»). Все это положительно сказалось на объеме и качестве поставляемой в Центр информации.

РАССОРИТЬ ФРАНЦИЮ С ГЕРМАНИЕЙ!

Разведчики-нелегалы Зарубины активно работали и по белогвардейской эмиграции. В Париже «Вардо» приняла на личную связь особо ценного агента ОГПУ Павла Павловича Дьяконова (псевдоним – «Виноградов»). Боевой царский генерал, военный атташе России в Лондоне, он в 1920 году переехал в Париж, где был с восторгом и почестями принят русской военной эмиграцией. Еще бы! За Мазурское сражение он был награжден золотым Георгиевским оружием, за битву при Вердене – двумя французскими Военными крестами и орденом Почетного легиона, и это лишь малая часть тех наград, которые Дьяконов получил еще до Первой мировой. Агент выполнял долгосрочное задание по разложению РОВС – Русского общевойскового союза, крупнейшей организации эмигрантов-белогвардейцев, в рядах которой насчитывалось более двадцати тысяч (!) боевиков. Они готовили вооруженные акции против СССР и его официальных представителей за рубежом.

Кроме того, Дьяконов, располагая обширными связями в высших военных кругах Франции, снабжал Центр информацией о деятельности Второго бюро (военная разведка) французского генштаба.

В активе «Виноградова» было также участие в захвате руководителя РОВС генерала Кутепова (26 января 1930 года) для переправки в Москву. На стадии подготовки операции и в ходе ее реализации оператором агента был опытейший сотрудник ИНО Яков Серебрянский, поэтому трудно было прогнозировать, как поведет себя пятидесятивосьмилетний генерал на первой встрече со своим оператором-женщиной, по возрасту годившейся ему в дочери. К тому же явку из-за ремонта конспиративной квартиры пришлось проводить в одной из дешевых парижских гостиниц. Их хозяева не требовали никаких документов и за умеренную плату охотно предоставляли номера парочкам, желающим расслабиться. Поэтому появление в гостинице красавицы «Вардо» под руку с седовласым импозантным «Виноградовым» все невольные

свидетели расценили бы однозначно: престарелый повеса решил вкусить от молодого аппетитного тела – *c'est la vie!* Словом, появление на людях Зарубиной с Дьяконовым считалось хорошо залегендированным и вполне соответствующим требованиям конспирации...

О результатах явки с первым в своей оперативной практике особо ценным агентом и о своих впечатлениях Елизавета Юльевна доложила начальнику ИНО Мессингу Станиславу Адамовичу:

Сов. секретно

Экз. един.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ

по итогам явки с агентом «Виноградовым»

«10.02.1930 года мною, оперуполномоченной 7-го отделения ИНО ОГПУ «Вардо», в парижском отеле «Риволи» проведена встреча с агентом «Виноградовым» для отработки ему линии поведения, предусмотренной мероприятием «А» в отношении группы высших офицеров РОВС (список прилагается).

Едва мы расселись по разные стороны стола, «Виноградов» повел себя не по-джентльменски: без предисловий вдруг заговорил по-французски. Но меня поразил не сам факт смены языка, а его безапелляционный тон!

Его демарш я восприняла как попытку подчеркнуть свое превосходство в оперативном плане, чтобы подавить меня психологически и поставить в зависимое от себя положение. Допускаю, что этот выпад был вызван также его начальственным положением в РОВС. Мне очень вовремя вспомнилось наставление Артура Христиановича Артузова: «Нельзя ни в чем проигрывать своему агенту, ибо недаром сказано, что ни один камердинер не видит героя в своем хозяине. Стоит только однажды показать зависящему от тебя агенту свою слабость, все – пиши пропало. Сразу можно расставаться с ним, потому что ведущее положение тебе уже не восстановить. Выигрывать у своего секретного помощника оператор просто обязан. Всегда и во всем. В том числе и в словесной перепалке, чтобы утвердить себя в его глазах и подчеркнуть свое превосходство».

«Не то оружие вы выбрали, мой генерал! – едва сдерживая себя, чтобы не перейти на крик, сказала я по-французски и, не переводя дыхание, но уже по-английски, добавила: – Уверена, что вы быстрее меня исчерпаете ваш запас иностранных языков!»

Хотя на лице «Виноградова» не дрогнул ни один мускул, по затянувшейся паузе мне стало ясно, что моя реплика попала в «яблочко». Взглядом психиатра агент буквально буравил меня. Затем раздельно, делая ударение на каждом слове, он спросил, но уже по-русски: «И сколько их у вас, сударыня?» Я ответила: «На мой век хватит!» По выражению лица агента я поняла, что этот мой легкомысленный ответ ему не понравился. По-моему, он решил, что я намекаю на разницу в возрасте не в его пользу. Поняв свою оплошность, я «перестроилась на марше» и заверила «Виноградова», что, несмотря на мой формальный статус оператора, мы всегда будем решать все вопросы только вместе, потому что я очень ценю его опыт и его таланты в оперативных делах...

Вслед за этим агент подобрел, и «дипломатические отношения» были восстановлены. Затем мы в течение часа обсуждали его линию поведения, способствующую успешной реализации мероприятия «А» – доведение до руководства Второго бюро генштаба известной вам информации в отношении офицеров РОВС.

Прощаясь, «Виноградов» не удержался и спросил, какими языками я все же владею. Услышав ответ, он укоризненно покачал головой и сказал: «Видите ли, сударыня, если верна истина: язык мой – враг мой, то у вас их целых шесть!»

На что я ему ответила, что «самое главное на текущий момент, что он стал моим другом, а с врагами мы справимся сообща». После этого он крепко пожал мою руку. Полагаю, что расстались мы друзьями.

Сообщаю в порядке информации (*подпись*) оп/уп «Вардо».

...Действительно, некоторое время спустя «Виноградов» довел до сведения французов подготовленную умельцами Лубянки «дезу» о наличии «пятой колонны» – профашистски настроенных генералов и офицеров в РОВС и об их устойчивых контактах с германской военной разведкой, то есть с ненавистным всем французским генералам противником. В итоге акция прошла успешно, информация достигла поставленной цели и сыграла свою роль в охлаждении отношений между Францией и Германией...

Во Франции Зарубины проработали до 1933 года, там у них родился сын Петр. По приезде в Москву после четырехлетнего пребывания на нелегальном положении, то есть в состоянии перманентного стресса, когда, как говорится, «все импульсы наружу», так и не отдохнув ни дня, супруги-разведчики вновь убыли за рубеж – в Германию, где хозяйничал Гитлер и его штурмовики.

«ВДОЛЬ ОБРЫВА, ПО-НАД ПРОПАСТЬЮ...»

В 1933 году, после прихода Гитлера к власти, обстановка в Германии крайне осложнилась. Деятельность нелегальной резидентуры ИНО фактически прекратилась по причине отъезда на Родину 90 % оперативных сотрудников: все они были евреями, и их дальнейшее пребывание в Германии Центру представлялось небезопасным.

Зарубины имели задание в кратчайший срок обосноваться в Германии и реанимировать нелегальную резидентуру. Разведывательному тандему предстояло остановить процесс «профессионального выгорания» агентуры, оставшейся без дела и без присмотра своих наставников-операторов и главное – добывать информацию о внутренней и внешней политике Гитлера и о его планах в отношении СССР.

До Берлина супруги добирались разными маршрутами. О получении вида на жительство на длительный срок не могло быть и речи, поэтому в декабре они прибыли в нацистский рейх в качестве туристов. Лишь спустя некоторое время лубянские «сапожники» (так на профессиональном жаргоне обозначают специалистов по изготовлению фальшивых документов) снабдили Зарубиных документами, подтверждающими их принадлежность к американской фирме. Это был принципиально важный нюанс: накануне новой мировой войны немцы всячески стремились сохранить добрые отношения с США, поэтому лояльно относились к приезжающим в страну американцам. Но даже при наличии добротных документов пребывание в Германии для Елизаветы Юльевны было сопряжено со смертельным риском: в застенки гестапо и в концлагерь можно было угодить из-за пустяка – двойного глазного века. В Германии, где правил Гитлер, это считалось верным признаком наличия у человека еврейских корней.

Василий со своей внешностью «истого арийца» спокойно расхаживал по улицам Берлина. Другое дело – Елизавета. Даже случайные прохожие, несведущие в вопросах физиогномики и антропологии, нашли бы в ее лице семитские черты. Что уж говорить о патрулях, сформированных из коричневорубашечников, специально натасканных на отлов евреев! Чтобы при возможной встрече с этими головорезами доказать им, что она не еврейка, а итальянка, Елизавета в авральном порядке выучила итальянский язык.

* * *

Нелегальная резидентура была сформирована в кратчайшие сроки. В нее вошли оперативные сотрудники ИНО, прибывшие вслед за Зарубиными, а также шесть источников информации из числа местных жителей и иностранцев, принятых разведчиками на связь. Центр стал получать важную секретную информацию бесперебойно и в большом объеме.

Разведчики-нелегалы Василий и Елизавета «играли на враждебном поле» – действовали в гитлеровском рейхе – более трех лет начиная с 1933 года. Работа в нацистской Германии требовала от обоих, и прежде всего от Елизаветы Юльевны, предельного мужества и отваги, мобилизации всех духовных сил. Надо сказать, что она к тому времени достигла совершенства в искусстве перевоплощения, и не только внешнего, но и внутреннего. Никогда не повторяясь, она всякий раз представляла в новом облике. Меняя страны, меняла личины. Для нее, за свою карьеру аса вербовки сменившей не один псевдоним, надевать чужую личину было так же привычно, как для женщины мирной профессии – ежедневно менять носовые платки в сумочке, отправляясь на работу. В общем, как того требует искусство разведчика, «Вардо» была человеком с десятью лицами.

Елизавета Юльевна прекрасно понимала, что малейшая неосторожность, промах в работе или в быту приведет ее в гестапо. Каждое свое появление на берлинских улицах разведчица называла «танцем на канате, висящем над пропастью». И все же, постоянно рискуя жизнью, она успешно справлялась с заданиями Центра...

«БРАЙТЕНБАХ», «ВАЛЬТЕР», «ХАНУМ» И «ВАРДО»

В 1930-е годы у жителей Западной Европы основным мотивом, подвигавшим к сотрудничеству со спецслужбами Советского Союза, был антифашизм. Поэтому секретные агенты в большинстве своем работали просто «за идею», отказываясь от денежного вознаграждения.

По указанию Центра «Вардо» восстановила конспиративную связь с особо ценным источником разведки, гауптштурмфюрером СС «Брайтенбахом» (в миру – Вильгельм Леман). В IV управлении Имперской безопасности – гестапо – он возглавлял отдел по борьбе с «коммунистическим шпионажем» и, используя свое служебное положение, неоднократно спасал резидентуру НКВД от разгрома и заранее предупреждал о провокациях, которые готовились против советского дипломатического представительства и его сотрудников в Берлине. От «Брайтенбаха» регулярно поступала информация о внутрисполитическом положении в Германии и ее военных приготовлениях против соседних стран. В 1935 году агент представил сведения о создании Вернером фон Брауном принципиально нового вида оружия – знаменитых ракет «Фау». Тринадцать лет «Брайтенбах» водил за нос коллег из гестапо, которые сбились с ног в поисках «крота» в своих рядах. Провал произошел из-за предательства связника, и в 1945 году Лемана казнили в застенках его (жгуче ненавистного!) ведомства. На Западе его считают прототипом Штирлица.

Еще одним особо ценным помощником нелегальной резидентуры, который находился на личной связи у «Вардо», был высокопоставленный сотрудник германского МИДа в ранге посла «Вальтера» (имя не раскрывается до сих пор). В будущем «Вальтер» наряду с «Брайтенбахом» проинформирует берлинскую резидентуру о подготовленном нападении Германии на СССР.

В Берлине «Вардо» также восстановила связь с «Ханум», бывшей стенографисткой германского посольства в Париже, которую завербовала, работая во Франции. «Ханум» продвинулась по службе и, работая в центральном аппарате гитлеровского МИДа, имела доступ к документам под грифом «Особой важности», которые с риском быть казненной копировала и затем передавала своему оператору – «Вардо». Но вскоре «Ханум» заболела и умерла.

Елизавета Юльевна немедленно подобрала ей замену. Через агентурные возможности резидентуры осуществила проверку «кандидата на замещение вакантной должности» и под псевдонимом «Винтерфельд» привлекла служащего МИДа Германии средней руки к сотрудничеству. Новобранец имел доступ к секретной, в том числе шифрованной, переписке министерства иностранных дел фон Риббентропа с послами в странах-союзниках – Италии и Японии. «Вардо» обучила немца технике пересъемки документов микрофотоаппаратом, и вскоре он буквально завалил резидентуру копиями шифртелеграмм и других документов из германского внешнеполитического ведомства. Среди действующих «штыков» агентурной сети нелегальной резидентуры Зарубиных были и те, кто имел связи в кругу влиятельных функционеров нацистской партии (НСДАП).

* * *

В июне 1937 года Зарубиных в качестве нелегалов были направлены в США. Разведчикам предстояло подобрать агентуру из числа американцев для возможной работы в Германии в случае ее нападения на СССР. С поставленной задачей разведчики справились. Ими были завербованы три агента, которых в дальнейшем нелегальная разведка использовала в качестве курьеров-связников.

Командировка Зарубиных была прервана бегством в США резидента НКВД в Испании Александра Орлова, который встречался с ними во время их работы во Франции. По возвращении в Москву Василий и Елизавета стали работать в центральном аппарате разведки. Зарубин за успешную работу в нелегальной разведке был награжден орденом Красного Знамени, ему было присвоено звание старшего майора госбезопасности, равноценное званию генерал-майора Красной армии. «Вардо» досрочно присвоили звание капитана госбезопасности, что соответствовало званию подполковника Красной армии.

В середине 1940 года «Вардо» вновь выехала в Германию, но уже под дипломатическим прикрытием сотрудника советского посольства в Берлине Елизаветы Горской. Ей предстояло восстановить утраченную связь с ценным источником разведки «Августой» – супругой высокопоставленного дипломата, посла по особым поручениям, одного из тех, кто был причастен к выработке внешнеполитического курса гитлеровской Германии. Вскоре от «Августы» стали поступать сведения, заслуживающие внимания не только ОГПУ, но даже Кремля!

С первых часов войны все советские работники диппредставительства в Германии были интернированы и 29 июня отправлены в СССР через Турцию.

* * *

Ночью 12 октября 1941 года Зарубиных подняли с постели и доставили в Кремль к Сталину. Вождь объявил чекистскому тандему о своем решении вновь направить их в Соединенные Штаты, а Василия Михайловича и вовсе назначить главой тамошней «легальной резидентуры», то есть действующей с позиций посольства СССР в Вашингтоне. Прикрытием Зарубина была должность 2-го секретаря диппредставительства. В ходе общения, продолжавшегося более часа, Сталин поставил задачу будущему резиденту не только отслеживать внутривнутриполитические события, но и своевременно сообщать о попытках правящих кругов США сговориться с Гитлером и закончить войну заключением сепаратного мира. Разведчикам также вменялось в обязанность добыть сведения относительно реальных сроков открытия Второго фронта в Европе.

ВНИМАНИЕ: «МАНХЭТЕНСКИЙ ПРОЕКТ»!

В Нью-Йорк Зарубины добрались через Дальний Восток лишь в январе 1942 года. В США разведчикам пришлось реформировать резидентуру: восстановить связь с законсервированной агентурой, на вербовать новых источников информации, приобрести конспиративные квартиры и т. д. Опятьгодились таланты Елизаветы Юльевны: блестящее владение английским языком, знание психологии и умение убеждать кандидатов на вербовку. Уже через полгода у «Вардо» на связи были (!) 22 агента, с которыми приходилось встречаться не только в Нью-Йорке, но и в Сан-Франциско, в Вашингтоне, в других городах Америки.

Часто в Америке разведчица вспоминала слова Артура Христиановича Артузова: «Рискованный труд вербовщика: сказал не то, повернулся не так – за все немедленная расплата. Собачья жизнь: вечером не знаешь, долежишь ли до утра, а утром не ведаешь, дотянешь ли до своего лежбища!»

На Лубянке высоко ценили оперативную хватку и особый дар «Вардо» достигать полного доверия в общении с любым человеком, независимо от его пола, возраста и социального положения. Профессионалы знают, что это качество присуще только самым изощренным «охотникам за головами» – вербовщикам. А вербовщики в мире разведки – это высшая каста оперативных сотрудников. И «Вардо» была, как никто другой из ее коллег-разведчиц, «охотником за головами» самой высокой – четыре девятки – пробы.

Отличительной чертой «Вардо», ее почерком в работе с агентами, была гуманность. Она никогда не относилась к тем, кого вербовала, лишь как к источникам информации, которых нужно склонить к сотрудничеству. Прежде всего она стремилась понять, что движет объектом ее заинтересованности, – кандидатом на вербовку, – каковы его проблемы. Поэтому не случайно многие завербованные ею агенты работали в пользу СССР исключительно «за идею», что в условиях ограниченности валютных средств в советских зарубежных резидентурах было особенно важно.

С помощью ценнейшего источника резидентуры, выходца из России Якова Голоса «Вардо» вышла на «отца атомной бомбы» Роберта Оппенгеймера и выдающегося физика-ядерщика Лео Силарда, работавшего в той же области.

Здесь необходимо пояснение. То, что разведчица сделала в США, еще нельзя назвать «атомной разведкой» в чистом виде, однако она первой вышла на близкие подступы к ней. Основную работу по «Манхэттенскому проекту» – так американцы закодировали работу по созданию атомной бомбы – проделали другие наши разведчики. Но заслуга «Вардо» заключается в том, что она первой из разведчиков сумела привлечь внимание руководства СССР к атомной проблеме. Не случайно за проявленную инициативу «Вардо» была поощрена орденом Красной Звезды.

Повышенная активность советских разведчиков не могла не привлечь внимания американской контрразведки. ФБР удалось установить подслушивающую аппаратуру в служебных помещениях наших учреждений и получить доказательства, что Зарубин является резидентом советской внешней разведки в США. В конце 1944 года супруги были объявлены персонами non grata и вынужденно покинули США.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

После войны подполковник Зарубина Елизавета Юльевна работала в центральном аппарате разведки в должности начальника отделения. С лета 1946 года и до своей отставки она возглавляла американское направление Информационной службы разведки. Награждена орденом Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Красной Звезды, орденом Отечествен-

ной войны II степени и многими медалями, из которых особо ею почитаема была медаль «За отвагу». Она также получила высшую ведомственную награду – знак «Почетный чекист».

Да, отраженный свет славы «Брайтенбаха», «Винтерфельда», «Ханум», «Вальтера» и десятков других агентов, которых завербовала и которыми руководила Елизавета Юльевна, придал блеск ее разведывательной карьере, принес ей лавры аса агентурной работы, непревзойденной «охотницы за головами». И все-таки, на наш взгляд, не все ее усилия оценены по достоинству руководством разведки...

Выйдя в отставку, Елизавета Юльевна еще долгие годы передавала молодым разведчикам свой богатый опыт, прививала им вкус к нелегальной работе во враждебной среде, обучала их, как уходить от «наружки», как обращаться в свою веру кандидата на вербовку, как... Да мало ли какими еще секретами могла поделиться с молодой порослью разведчиков Чекист, Наставник, Человек с большой буквы – Елизавета Юльевна Зарубина! Таких людей, как она, Господь создает штучно и редко, а все потому, чтобы не девальвировать результат благого дела своего...

Елизавета Юльевна прожила яркую насыщенную жизнь и добилась блестящих побед в разведке. Судьба была к ней благосклонна, и жизнь ее не оборвалась ни в застенках гестапо, ни в фэбээровской тюрьме. Тем обиднее сознавать, что 11 мая 1987 года она нелепо погибла в родных пенатах, в Москве, угодив под рейсовый автобус...

P.S. Чтобы положить конец спекуляциям московских литераторов и журналистов на отношениях Лизы Горской и Якова Блюмкина, ограничусь ссылкой на реплику одного эксперта Зала истории СВР: «Да, информацию о двурушничестве резидента ОГПУ в Стамбуле Блюмкина и о его преступной связи с Львом Троцким руководству ИНО представила Елизавета Зарубина. Однако руководила ею не месть за обманутую любовь, как это подают охочие до сенсаций графоманы, а чекистская принципиальность, ибо она считала Блюмкина авантюристом и предателем. Любые другие варианты – досужие домыслы и больные фантазии дилетантов».

Глава пятая. Эйтингон: своими преданный герой

В известной книге Ильи Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь» он проходит как генерал «Котов», в Китае и в Турции – дипломат по фамилии «Наумов». В Западной Европе его знают как коммивояжера по имени «Пьер». «Томом» он стал в Мексике, Канаде и в США. Для него, аса нелегальной разведки, который за свою карьеру сменил множество псевдонимов, надевать чужую личину было такой же привычкой, как для человека более мирной профессии – ежедневно менять галстуки. Он многолик в одном лице – легендарный разведчик, генерал-майор госбезопасности Эйтингон Наум Исаакович. Начальство вешало на него одновременно собак и ордена, он благосклонно, как вердикт судьбы, принимал и то и другое...

ВОСПИТАН НА ПОДВИГЕ ПРЕДКА

6 декабря 1899 года в белорусском захолустье, в городке Шклов, в семье конторщика бумажной фабрики Исаака Эйтингона родился первенец. Родители, согласно фамильной традиции, нарекли его Наумом. А все потому, что в 1812 году их предок Наум Эйтингон повторил подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина – завел отряд французских солдат из войск Наполеона в непроходимые белорусские болота, где они нашли свой конец. Перед смертью озверевшие французы казнили юного патриота. В дальнейшем род шкловских Эйтингонов, чтобы увековечить имя своего пращура-героя и на примере его жертвенного подвига воспитывать настоящих мужчин, всем мальчикам-первенцам давали имя «Наум»...

В 1912 году Исаак умер, и семья в поисках лучшей доли перебралась в Могилев. Наум в свои неполные тринадцать лет содержал деда, мать, двух младших сестер и брата, давая частные уроки русской словесности и составляя ходатайства и прошения. Такое занятие перспектив не сулило, и на семейном совете было решено послать Наума на учебу в Могилевское коммерческое училище.

После Февральской революции 1917 года Наум бросил училище и устроился инструктором в отдел статистики городской управы, где подружился с социалистами-революционерами. Их идеология пришлась ему по вкусу, и в мае он вступил в их партию. Но уже в августе, разочаровавшись в местных эсерах, которые пеклись лишь о личных благах, Наум вышел из партии и стал работать в городском Совете рабочих и солдатских депутатов.

В марте 1918 года, после срыва Троцким Брестского мира, германские войска перешли в наступление по всему Восточному фронту, оккупировали Могилев и разогнали Совет. Но в ноябре части Красной армии (РККА) город отбили, советскую власть восстановили, и Наум вернулся к работе в Совете...

ЭЙТИНГОН-ОСОБИСТ

В октябре 1919 года Наум вступил в партию большевиков, и в мае 1920-го стал уполномоченным Особого отдела Гомельского укрепрайона. Так с военной контрразведки началась служба Наума Исааковича Эйтингона в советских органах госбезопасности, которым он отдал более тридцати лет жизни.

Особый отдел ВЧК был образован в январе 1919 года под руководством видного революционера Михаила Кедрова. Линейные Особые отделы были созданы при всех фронтах, армиях, дивизиях, а также при губернских ЧК. Они занимались выявлением вражеской агентуры в Красной армии, в ее штабах, на фронтах и в тылу; боролись с саботажем и диверсиями на

железных дорогах, в продовольственных и иных организациях, вовлеченных в оборону Республики.

Поскольку в годы Гражданской войны в РККА влились около сорока тысяч бывших царских офицеров и генералов, среди которых было немало белогвардейских агентов, сотрудники Особых отделов выявляли их, тайно внедряясь в штабы Красной армии и вербуя осведомителей в армейских частях.

Особисты вели также разведку за линией фронта и в ближайшем тылу, проникали в белогвардейские организации и в штабы армий интервентов, так как в тот период в ВЧК еще не был сформирован Иностранный отдел (ИНО), наделенный разведывательными функциями.

Кроме прочего, особисты входили в состав военных трибуналов РККА, которые получали в производство дела об измене и вредительстве «и о всех других преступлениях, вредивших военной безопасности Республики».

В годы Гражданской войны Особым отделам уделялось приоритетное внимание, о чем свидетельствует тот факт, что 18 августа 1919 года решением ЦК РКП(б) начальником Особого отдела ВЧК был назначен Ф. Э. Дзержинский, оставаясь при этом председателем ВЧК.

Особый отдел Гомельской ЧК работал в прифронтовых условиях. Его основной задачей была борьба с бандитизмом и польским шпионажем. В мае 1921 года гомельские чекисты, внедрив своего агента, раскрыли в городе штаб так называемого «Западного областного комитета», который структурно входил в «Народный союз защиты Родины и свободы». Последним руководил бывший эсеровский боевик, вдохновитель и организатор убийства великого князя Владимира Александровича, экс-заместитель военного министра Временного правительства Борис Савинков. Именно по его указанию в июле 1918 года в Ярославле был поднят кровавый мятеж. После подавления мятежа Савинков перешел на службу польской, французской и английской разведок.

Эйтингон участвовал в операции «Крот», в результате которой в Гомеле были арестованы около ста членов «Западного областного комитета». Тогда же Наум лично арестовал в Минске уполномоченного «Народного союза защиты Родины и свободы» Эдуарда Опперпута-Станица. В 1921 году Эйтингон не раз участвовал в ликвидации вооруженных банд Савинкова, и в октябре в местечке Давыдовка Гомельской области в ходе боестолкновения с бандитами получил тяжелое ранение. Из госпиталя Наум вышел лишь через полгода и в марте 1922 года убыл в Стерлитамак, чтобы приступить к обязанностям члена коллегии Башкирского отдела ГПУ.

КИТАЙСКАЯ РАЗВЕДСЕССИЯ

В Башкирии Эйтингон служил до мая 1923 года, затем Центр направил его на работу в Восточный отдел Секретно-оперативного управления ГПУ. Отдел был призван объединить деятельность чекистов на Кавказе, в Туркестане, Башкирии, Татарии, Хивинской и Бухарской народных советских республиках, а также в Крыму, то есть в так называемой «сфере специфической восточной контрреволюции и шпионажа».

Из Отдела Эйтингон был направлен «для пополнения образования» на учебу в Военную академию РККА (ныне Академия им. М. В. Фрунзе), где два года овладевал военными и общеобразовательными дисциплинами, а также иностранными языками.

По окончании Академии Эйтингона приняли в Иностранный отдел ОГПУ и вскоре назначили на должность заместителя главы резидентуры ИНО ОГПУ в Шанхае. Туда он прибыл в конце 1925 года под прикрытием должности вице-консула с паспортом на имя Наумова Леонида Александровича.

Через год Эйтингон возглавил «легальную» резидентуру в Пекине, которая действовала с позиций советского генерального консульства. В апреле 1927 года молодой разведчик полу-

чил очередное повышение по службе: стал «резаком» – главой резидентуры в Харбине, самого крупного подразделения ИНО ОГПУ в Китае. Харбин был его «последним окопом» на невидимом фронте в Юго-Восточной Азии – в июле 1929 года в связи с разрывом дипломатических отношений с Китаем его отозвали в Москву.

Остается добавить, что в какой бы резидентуре Эйтингон ни работал во время «китайской разведсессии», особое внимание он уделял приобретению источников информации, обновлению сети информаторов и насыщению ее ценными агентами. Своих сотрудников Эйтингон учил: «Если соль профессии официанта – в чаевых, журналиста – в поиске сенсаций, то соль профессии разведчика-агентуриста – в вербовках. Завершив успешно одну вербовку, он начинает думать о следующей. Ему постоянно надо кого-то обращать в свою веру, чтобы закрома родной службы непрерывно пополнялись «новобранцами» – секретными агентами». И еще: «Разведчик-агентурист, как и санитары природы, не питаются падалью. Они – хищники, заманивающие в свои капканы больных животных».

В Центре Эйтингон недолго находился «на низком старте» и вскоре был назначен главой «легальной» резидентуры ИНО ОГПУ в Стамбуле. Там он «сидел под корягой» – работал под прикрытием – атташе генерального консульства СССР...

ЯКОВ БЛЮМКИН: ПРОЩАЛЬНОЕ ТАНГО В СТАМБУЛЕ

Во времена правления Кемаля Ататюрка советской внешней разведке удалось наладить некое подобие взаимовыгодного сотрудничества с турецкими спецслужбами. Под руководством Эйтингона сотрудники резидентуры успешно разрабатывали дипломатические представительства Австрии, Японии и Франции. Они проникли в секреты этих миссий, в частности читали почту французского военного атташе, и без особых усилий добывали сведения о деятельности различных групп антисоветской эмиграции – азербайджанской, северокавказской, украинской.

Поскольку условия ведения разведывательной работы с позиций Стамбула были исключительно благоприятными, в середине 1928 года Центр принял решение организовать там нелегальную резидентуру для работы по Ближнему Востоку и для создания агентурной сети в Палестине и Сирии. По протекции Мейера Трилиссера, в тот период начальника ИНО ОГПУ, резидентом был назначен Яков Блюмкин, персонаж с зигзагообразной биографией.

В сентябре 1928 года Блюмкин с паспортом на имя персидского купца Якуба Султанова прибыл в Стамбул, открыл магазин персидских ковров, нанял повара, парикмахера, шофера и мажордома. Почувствовав, что полностью легализовался, решил на все «сто» использовать свое «козырное» положение: пустился в бесконечные, по пышности сравнимые с выездом падишаха вояжи в Иерусалим, Каир, Дамаск, Париж, Берлин, Вена. Везде Блюмкин действует по трафарету подгулявшего купчика: если шашлык, то из осетрины, если омар, то из Нормандии, если шампанское, то «Дом Периньон», если икра, то черная и непременно белужья. Все это он требует в немыслимо огромных объемах, ведь его «походный секс-эскорт» состоит из 2–4 регулярно сменяемых див из самых дорогих домов свиданий Европы. Только за один месяц его траты превзошли сумму совокупного годового денежного довольствия четырех сотрудников стамбульской нелегальной резидентуры. Он беспрестанно повторяет фразу, которой оправдывает все свои прихоти: «Мне не надо ничего необходимого. Я легко довольствуюсь самым лучшим». Иначе быть не может, ведь он – разведчик государственного значения!

Прибыв в конце марта 1929 года в Берлин, Блюмкин узнает, что его кумира Льва Троцкого выслали из СССР в Турцию. Он бросает все, мчится в Стамбул и 16 апреля на встрече с «демоном революции» клятвенно заверяет его, что «всецело отдает себя в его распоряжение».

Дальше – больше. Блюмкин регулярно знакомит Троцкого с секретными материалами и снабжает его валютой из оперативной кассы вверенной ему резидентуры. Это становится

известно Эйтингону, и он обо всем информирует Центр. Блюмкина отзывают в Москву, где он в начале октября высказывает намерение объединить всех известных ему троцкистов, чтобы, выступив единым фронтом, сместить с поста Сталина...

15 октября Блюмкина арестовали. Блиц-следствие закончилось вердиктом, начертанным рукой вождя: «расстрелять за повторную измену пролетарской революции и советской власти и за измену революционной чекистской армии». Таким образом, Блюмкин стал первой жертвой среди последовавших вскоре внесудебных расправ над корпусом чекистов ИНО ОГПУ...

РУКОВОДИТЕЛЬ НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

В октябре 1929 года из Москвы на замену Блюмкину и для реорганизации работы нелегальной резидентуры прибыл экс-начальник Восточного сектора ИНО Георгий Агабеков. Связь с Центром и реформирование агентурной сети он осуществлял под руководством Эйтингона. В июне 1930 года Агабеков бежал на Запад, где выпустил книгу «ГПУ. Записки чекиста», в которой раскрыл истинную должность Эйтингона в генконсульстве СССР. Положение разведчика как главы «легальной» резидентуры серьезно осложнилось. Центр, чтобы избежать провокаций со стороны турок, вынужден отозвать Эйтингона в Москву.

Некоторое время Наум Исаакович был заместителем Якова Серебрянского, начальника Особой группы при председателе ОГПУ. Это подразделение не подчинялось начальнику ИНО и было создано исключительно для глубокого внедрения агентуры на объекты военно-стратегического значения и подготовки диверсионных операций в тылу противника в военный период. В этих целях Эйтингон и Серебрянский в 1930 году выезжали в США для вербовки японских и китайских эмигрантов, которые могли пригодиться советской разведке, начался война с Японией. Игодились-таки! – Эйтингон завербовал трех ценных агентов. Одним из них был японский художник Итоку Мияги, который впоследствии вошел в знаменитую группу «Рамзай» Рихарда Зорге.

Несмотря на весомые результаты командировки, Серебрянский был недоволен своим заместителем. Эйтингон подал рапорт о своем возвращении в ИНО, и в начале 1931 года его назначили начальником 8-го отделения (научно-техническая разведка). Но через полгода начальство вспомнило, что Эйтингон – непревзойденный вербовщик, который умеет «сделать из пронырливого браконьера отличного егеря, из лоботряса воспитать агента экстра-класса». Его отправляют в Германию, Иран, США, Китай, Францию, Бельгию, откуда он вернулся лишь в 1933 году.

Немногое из того, чем занимался Наум Исаакович в Западной Европе, стало доступным общественности и широким массам читателей, большинство из того, что сделал (или натворил!) он, остается в хранилищах Службы внешней разведки под грифом «Сов. секретно. Хранить вечно». Вместе с тем историкам спецслужб известно, например, что Эйтингон был на короткой ноге с Гаем Берджессом и Дональдом Маклином – членами «Кембриджской пятерки». Впрочем, чем конкретно они занимались, вряд ли когда-нибудь станет известно не только нам, но и нашим потомкам...

Насколько результативно Наум Исаакович «играл на чужом поле», то есть в Западной Европе, судить можно по тем регалиям, что были вручены ему по возвращении: награжден орденом Красного Знамени, присвоено звание майора госбезопасности, что приравнивалось к полковнику Красной армии, назначен начальником 1-го отделения ИНО, то есть руководителем всей нелегальной разведки ОГПУ СССР!

ИСПАНСКИЕ СТРАСТИ

В 1936 году в Испании генерал Франсиско Франко поднял мятеж против демократично избранного правительства Народного фронта. Сталин вслед за открытым выступлением Германии и Италии на стороне франкистов принял решение оказать помощь республиканскому правительству и направил в Испанию советских военных советников и боевую технику.

Главой резидентуры НКВД в Испании был назначен Александр Орлов (кодовое имя «Швед»), заместителем – Наум Эйтингон (псевдоним «Котов»). Они были самыми высокопоставленными официальными представителями СССР в Испании и не только отвечали за разведку и контрразведку в советских воинских формированиях, но и контролировали поставки советского оружия для республиканской армии.

На территории, удерживаемой республиканцами, Орлов и Эйтингон создали некое подобие тайной полиции, подконтрольной НКВД. Учредили Службу военных расследований (Serviciode Investigacion Militar) и осуществляли надзор за ее деятельностью. Через открытую ими в Мадриде разведшколу прошли многие будущие советские разведчики. Как это случилось, к примеру, со знаменитым разведчиком Морисом Коэном.

Под их руководством испанская контрразведка вела тайную войну против германской, итальянской и английской спецслужб. По наводке разведчиков республиканские спецслужбы в декабре 1936 года арестовали агентов Второго бюро генштаба (военная разведка) Франции. В июне 1937 года при личном содействии Эйтингона были обезврежены два агента британской «Секрет Интеллидженс Сервис», которые вели сбор данных о республиканской армии. С целью получения сведений об отправке отрядов СА из Германии в Испанию резидентура организовала работу республиканской разведки за границей; наладила надежную охрану лидеров компартии Испании во главе с Долорес Ибаррури, на которых готовились покушения. За это Эйтингон был награжден вторым орденом Красного Знамени.

В июле 1938 года резидента Орлова вызвали в Москву, где нарком Ежов с молчаливого согласия Сталина раскрутил маховик репрессий против чекистов-ветеранов. Опасаясь оказаться без вины виноватым и быть расстрелянным, Орлов вместе с семьей бежал в США. На его место назначили Эйтингона.

В феврале 1939 года, накануне поражения республиканцев, Эйтингон, обманув франкистов, сумел переправить республиканское руководство и лидеров испанской компартии во Францию, а советскую дипмиссию и золотой запас Испании – в СССР. Его хватало и на сугубо оперативные дела: он лично завербовал видных троцкистов – братьев Руан, нескольких испанских анархистов, а также Каридад Меркадер, мать Хайме Рамона Меркадера дель Рио Эрнандеса, руками которого Эйтингон впоследствии ликвидировал Льва Троцкого...

В конце апреля 1939 года на Белорусском вокзале поезд Одесса – Москва встречала не только жена Эйтингона, но и «наружка». Разведчик обнаружил ее на следующий день и обратился за советом к своему другу Павлу Судоплатову. Узнал, что стал объектом оперативной разработки, потому что его соратник Орлов – перебежчик, Григорий Сыроежкин, с которым он создавал диверсионные отряды в тылу франкистов, – шпион, а бывший начальник Восточного отдела ОГПУ Яков Петерс и экс-полпред СССР в Турции Лев Карахан на следствии дали показания, что он завербован и работает на англичан...

Эйтингон, чтобы прояснить ситуацию, написал рапорт на имя Берия, после расстрела Ежова ставшего наркомом внутренних дел (только он имел право инициировать разработку офицера разведки), но рапорт завернули, потому что Судоплатов по приказу Сталина уже готовил операцию «Утка» по физическому устранению Льва Троцкого.

Судоплатов же, зная, что Эйтингон – единственный разведчик, на связи у которого состоит закордонная агентура, имеющая подходы к объекту, назначил его своим заместителем.

Оперативную разработку в отношении Эйтингона производством прекратили, «наружку» сняли, и он срочно выехал в США и далее в Мексику, чтобы руководить операцией на месте ее проведения – в пригороде Мехико, где проживал Троцкий...

Справка

Орлов Александр Михайлович (настоящее имя – Фельдбин Лейба Лазаревич) родился в Бобруйске 21 августа 1895 года.

В годы Гражданской войны Орлов служил в Красной армии, командовал партизанским формированием, работал в Особом отделе РККА. На его успехи обратил внимание даже сам Ф. Э. Дзержинский.

В 1923 году Орлов окончил юридический факультет МГУ и работал прокурором. По роду службы имел контакты с органами госбезопасности. В 1924 году его зачислили в штат ИНО ОГПУ, а в середине 1926-го направили главой «легальной» резидентуры в Париж. В 1932 году по паспорту на имя Льва Леонидовича Николаева, изготовленному лубянскими «сапожниками», он выезжал в Штаты. Там с помощью агента ИНО «Саунд», добыл подлинный американский паспорт за № 566042 на имя Уильяма Голдина, гражданина США австрийского происхождения.

С 1933 года в качестве разведчика-нелегала выполнял задания во Франции и Швейцарии. В 1934 году Орлов – резидент в Великобритании, где руководил работой сети советских разведчиков-нелегалов. Выдавая себя за гражданина США, открыл фирму по продаже холодильников. Используя эту «крышу», он и связники, прибывавшие из Москвы, встречались с членами «Кембриджской пятерки».

В 1935 году случайная встреча в Лондоне со старым знакомым угрожала Орлову разоблачением, и он вынужденно вернулся в Москву. Оттуда он продолжил координировать операции ИНО за рубежом, а также возглавлял отделение разведки и контрразведки в Центральном военном училище, где проходили подготовку сотрудники НКВД. В том же году Орлов издал книгу «Тактика и стратегия разведки и контрразведки», принятую в качестве учебного пособия в советских разведшколах. Благодаря этому научному труду Орлов завоевал репутацию ведущего эксперта в области спецслужб. За выдающиеся результаты в работе Орлову присвоили звание старшего майора госбезопасности, что соответствовало званию генерал-майор Красной армии.

В сентябре 1936 года Орлов отправился в Мадрид резидентом НКВД. В июле 1938 года он получил предписание срочно прибыть в Центр. Зная, что в Москве полным ходом идет чистка чекистских рядов (к тому времени были расстреляны его сослуживцы Богданов Б.Д., Запорожец И. В., Стырне В. А., Мессинг С. А.), и опасаясь за свою жизнь, он вместе с женой и дочерью-инвалидом бежит в США, прихватив с собой \$30 тысяч (сегодня это – \$3 миллиона) из кассы представительства НКВД в Испании. В США Орлов из опасения пасть жертвой сталинских «эскадронов смерти» (сформированы из «чистильщиков», то есть ликвидаторов предателей и перебежчиков), которые могут идти по его следу, меняет города, квартиры, имена – благо у него заранее заготовлены американские паспорта. Власти США до 1953 года не догадываются о его существовании. Открылся он лишь после смерти Сталина, дав серию статей в журнале «Лайф» и опубликовав книгу «Тайная история сталинских преступлений».

Эксперты спецслужб признают, что Орлов совершил уникальный, самый благородный поступок из всех, что знает история перебежчиков, – он никого не выдал. Все 35 лет пребывания в США, то есть до своей смерти в 1973 году, он играл в «кошки-мышки» с американскими спецслужбами, сохраняя инкогнито известных ему сотрудников и агентов советской разведки, работавших на Западе в пользу СССР. И даже во время дачи показаний перед комитетами Конгресса он отделялся уклончивыми ответами, лишь внешне походившими на правду...

БЛАГОСЛОВЕНИЕ СТАЛИНА

– В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Покончив с ним, мы устраним угрозу развала Коминтерна...

Сталин раскурил трубку и взглянул на сидевших по другую сторону стола Берия и Судоплатова. Затем, чеканя слова, будто отдавая приказ, сказал:

– Вам, товарищ Судоплатов, партия поручает провести акцию по устранению Троцкого. Вы обязаны *лично* провести всю подготовительную работу и *лично* отправить специальную группу из Европы в Мексику. Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Обо всем будете докладывать непосредственно товарищу Берия и никому больше. ЦК требует представлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде в единственном экземпляре!

Покинув кабинет вождя, Берия, рассуждая с самим собой, задумчиво произнес:

– Н-да... На всякого Распутина найдется свой князь Юсупов...

Вспомнив, что на полшага сзади идет Судоплатов, резко остановился и спросил:

– Кого назначишь своим заместителем?

– Майора Эйтингона, товарищ народный комиссар. Только на него могу положиться, как на самого себя! – вытянувшись в струнку и щелкнув каблуками, отчеканил Судоплатов.

– Согласен...

И, будто дискутируя с самим собой, нарком философски добавил:

– Да, как ни странно, для такой работы нужен человек с чистыми руками, незапятнанной совестью и железной волей... Проинструктируй Эйтингона, жду результаты!

Так глубокой ночью 9 мая 1939 года закончилось совещание в Кремле «малой тройки» – Сталина, Берия, Судоплатова – и началась спецоперация НКВД под кодовым названием «Утка» по ликвидации Троцкого (кличка «Старик»).

Со временем «Утка» будет признана классическим образцом разноплановой многоходовой операции и не только войдет в методические пособия КГБ и ГРУ – ее будут изучать в учебных классах ведущих спецслужб мира.

CHERCHEZ LA FEMME!

10 мая 1939 года, на следующий после совещания день, Судоплатов получил повышение – назначен заместителем начальника внешней разведки НКВД. К себе в помощники и заместители он, как и собирался, назначил Эйтингона.

Из агентов, осевших в Мексике после окончания гражданской войны в Испании, а также из агентуры, проживающей в Западной Европе и в США, Эйтингон сформировал две группы. Первая – «Конь» во главе с Давидом Сикейросом, знаменитым мексиканским художником. Вторая – «Мать» под началом агентессы Эйтингона, завербованной им в 1937 году, – Каридад Меркадер, матери будущего ликвидатора Троцкого – Хайме Рамона Меркадера дель Рио Эрнандеса. В 1936 году, будучи комиссаром 17-й дивизии Арагонского фронта, он попал в поле зрения Орлова и был им завербован в качестве агента НКВД под псевдонимом «Раймонд».

Здесь необходимо пояснить, что Наум Исаакович, наделенный не просто привлекательной внешностью, но и исключительной мужской харизмой, предпочитал держать женщин-агентов на безопасной (для себя и для них!) эмоциональной дистанции, никогда не вступая с ними в интимные отношения. И это при том, что ни одна из них не отказала бы ему в физической близости, пожелай он этого.

Исключение он сделал лишь однажды для очаровательной Каридад Меркадер, матери Рамона. На какое-то время в его жизни случился *ménage-a-trois* (брак на троих), поскольку

своей законной жене Эйтингон не отказывал в любви и продолжал оказывать ей знаки внимания, но только... в письмах.

«Конь» и «Мать» действовали автономно и не знали о существования друг друга. И задачи перед ними стояли разные: «Конь» готовилась к штурму виллы Троцкого в Койякане, пригороде Мехико, а «Мать» должна была внедрить своих людей в окружение «Старика», поскольку там не было ни одного агента НКВД. Из-за этого стопорилась работа первой группы – ведь не было ни плана виллы, ни данных о системе и численности охраны, ни сведений о распорядке дня Троцкого.

Жизнь подсказала, что путь в ближайшее окружение Троцкого лежит через сердце женщины. И красавца мачо Рамона подвели в Париже к некоей Сильвии Агелов. По замыслу Эйтингона, это был удар дуплетом, где решающую роль должна была сыграть не сама Сильвия, а ее родная сестра Рут Агелов, сотрудница секретариата и связная «Старика» с его сторонниками в США.

Рамон вскружил голову Сильвии, и дело шло к свадьбе. В январе 1940 года они вместе появились в Мехико. Рут Агелов ходатайствовала перед Троцким за свою сестру, и он взял ее на работу секретаршей. Так, используя «втемную» двух сестер, Рамон стал вхож в дом Троцкого. С марта 1940 года он 12 раз побывал там и даже беседовал с Троцким, представившись Жаном Морнаром, журналистом, подданным Бельгии.

КРОВАТЬ-СПАСИТЕЛЬНИЦА

Информацию, добытую Рамоном, использовал Сикейрос для штурма виллы.

Ранним утром 24 мая 1940 года 20 человек в полицейских мундирах подъехали к воротам виллы-крепости. Нейтрализовали стражу у входа. Проникнув внутрь, отключили сигнализацию, связали всех охранников и, рассредоточившись вокруг спальни «Старика», открыли шквальный огонь из револьверов и ручного пулемета.

Троцкий, который жил в постоянном ожидании покушения, среагировал мгновенно: схватив в охапку жену, бросился с постели на пол и спрятался под кроватью.

Массивная кровать мореного дуба спасла обоих: у них ни царапины, а спальня превращена в крошево – нападавшие выпустили более 200 (!) пуль.

Ни одного покушавшегося полиции задержать не удалось. Кроме Сикейроса. Но в застенках он пробыл всего пару дней – президент Мексики был страстным поклонником его таланта и отпустил на все четыре стороны...

МЕРКАДЕР – ВИРТУОЗ ЛЕДОРУБА

Провал акции по устранению «Старика» из-за боевиков Сикейроса был болезненно воспринят в Кремле. Режиссеры-постановщики спектакля «Утка» были вынуждены «на марше» переделывать сценарий, назначая актерам трупы несвойственные им роли. Так, сменив амплуа обольстителя на роль ликвидатора, на авансцену вышел Рамон Меркадер.

В начале августа он показал свою статью Троцкому (составлена умельцами с Лубянки) о троцкистских организациях в США и попросил высказать свое мнение. Троцкий статью взял и предложил зайти для обсуждения 20 августа.

Рамон явился в обусловленное время, имея при себе пистолет и ледоруб. На случай, если охрана отберет пистолет и ледоруб, в подкладке пиджака он спрятал нож. Обошлось: никто не останавливал и не обыскивал.

Рамон прошел в кабинет Троцкого. Тот присел к столу и, держа в руках статью, стал высказывать свое мнение. Меркадер стоял чуть позади и сбоку, делая вид, что внимлет замечаниям учителя. Решив, что пора действовать, выхватил из-под полы пиджака ледоруб и уда-

рил Троцкого по голове. Тот живо обернулся, дико закричал и зубами впился в руку Рамона. Ворвавшаяся охрана скрутила его и избивала до полусмерти.

Троцкого транспортировали в госпиталь, Меркадера – в тюрьму.

Троцкий скончался сутки спустя, Меркадер вышел из тюрьмы спустя 20 лет.

Кстати, «Старик» чуть было не лишил Меркадера руки – на месте укуса возникло гнойное воспаление, которое грозило перейти в гангрену. Абсцесс удалось купировать пенициллиновой блокадой. Пенициллин, только-только появившийся на мировом медицинском рынке, Эйтингон за огромные деньги приобрел в Чикаго и через прикормленных тюремных надзирателей передал лечащему врачу Меркадера.

За выполнение «специального задания» Эйтингон и Каридад удостоились высшей награды СССР – ордена Ленина, Судоплатов был награжден орденом Красного Знамени.

Меркадеру было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», но обрел он их лишь 31 мая 1960 года в Москве...

КАК ВАЖНО ВЫГЛЯДЕТЬ ПЬЯНЫМ

В сентябре 1940 года Эйтингон от агентуры узнал, как был приведен в исполнение приговор Сталина по ликвидации Троцкого, и что Меркадеру для спасения руки, а то и жизни, срочно требуется пенициллин. В поисках фармацевтической фирмы по производству препарата Эйтингон перемещался по США, используя дипломатический паспорт. В нью-йоркской резидентуре НКВД, действующей под «крышей» торгового представительства, он наконец получил адрес фирмы в Чикаго, которая была готова поставить пенициллин в неограниченном объеме. Медлить было нельзя, поэтому в Чикаго Эйтингон решил лететь самолетом. Выйдя на улицу, он заметил двух мужчин в штатском, облик которых неизменен хоть в Турции, хоть в Западной Европе, хоть в США – «топтуны», они везде одинаковы.

Разведчик остановил такси и помчался в аэропорт. В пути насчитал целых пять машин «наружки», сидевших у него на «хвосте».

«Здорово они меня взяли в «клещи»! – поежился Эйтингон. – «Засветиться» я не мог – увеселительные заведения, дорогие магазины, публичные дома, в общем, места, где появление дипломата нежелательно, я обходил за три версты... Может, как раз это обстоятельство и внушило им подозрение? Ну а если интерес проявлен к начальнику отдела Наркомата иностранных дел, в качестве которого я зарегистрирован в иммиграционной службе, – то с чего бы это? Чиновник, он и есть чиновник. Ну, прибыл в торгпредство полистать бумаги, так и что с того? Это же не повод, чтобы вот так плотно, пятью машинами, «вести» его? Может, мой бывший друг Орлов, осевший в Штатах, «стукнул», опознав меня по фотографии в анкете? Нет, это исключено! Тогда что же? Кто-то из соратников Троцкого успел просигнализировать из Москвы? Черт, ну и развелось нечисти на свете, уж и не знаешь, откуда последует удар!»

И Эйтингон выскочил из такси и пошел напролом: энергичная смена линий метро с прыжками из вагона перед закрытием дверей, затем еще полчаса на автобусе, снова метро. Оторваться, оторваться и еще раз оторваться, во что бы то ни стало!

Грубо, конечно, но, когда на кону жизнь друга, можно и не заботиться, как отнесутся к твоим кульбитам «топтуны» из ФБР.

Стемнело, когда Эйтингон, выбравшись из подземки, остановил такси и, упав на заднее сиденье, крикнул: «Центральный вокзал. Пулей!»

Таксист удивленно вскинул голову и, выруливая в потоке машин, придирчиво разглядывал пассажира в зеркальце заднего видения: длиннополое темно-серое пальто из добротного драпа, белый шелковый шарф и надвинутая на глаза черная велюровая шляпа «борсалино» – атрибуты туалета чикагских гангстеров – явно диссонировали с оксфордским выговором клиента.

«Автомат «Томпсон» тебе бы в руки и сигару в зубы, а не Центральный вокзал!» – чертыхнулся про себя таксист: ехать пять кварталов, а бензина под светофорами сожжешь целый галлон.

Завидев вокзал, Эйтингон, не дожидаясь полной остановки машины, бросил на переднее сиденье пятидолларовую купюру и скрылся в толпе. Купив в привокзальной закусочной пакет сэндвичей и бутылку «антигрустина» – так коллеги из резидентуры называли виски, – он через пять минут осваивал купе поезда Нью-Йорк – Чикаго.

Утром Эйтингон проснулся от чувства приближающейся опасности. Никак не мог взять в толк, откуда она исходит. Документов и вещей, которые могли его компрометировать, при нем не было. И все же в воздухе пахло жареным!

На всякий случай он выглянул из купе в коридор и внутренне похолодел. По проходу двигались канадские пограничники в сопровождении проводника.

«Что за черт, как я мог оказаться в Канаде?!»

И вдруг Эйтингон вспомнил. Прорабатывая в резидентуре маршрут продвижения к месту назначения, он допускал, что туда придется добираться по железной дороге. Из десятка поездов в сторону Чикаго один частично проходил по канадской территории. И его угораздило сесть именно в этот! И хотя между США и Канадой реальной границы не существует, так как ежедневно тысячи канадцев и американцев пересекают ее в обоих направлениях и особой проверки здесь нет, но ведь Эйтингон не канадец, тем более не американец! При проверке его документов могли возникнуть сложности. Вплоть до дипломатического скандала.

Конечно, имея на руках дипломатический паспорт, он не мог быть арестован. Но, с другой стороны, он представитель Страны Советов, а это уже меняло отношение к нему пограничных властей.

Эйтингон живо представил себе, что ему скажет Берия по возвращении в Москву, если он попадется на таком пустяке: не отработал до конца маршрут, поторопился, зря потратил время и деньги, подвел, наконец! Чрезвычайные обстоятельства, толкнувшие его совершать путешествие не на самолете, а на поезде, никто, разумеется, в расчет брать не будет...

Решение созрело мгновенно.

Эйтингон лег на лавку, предварительно сделав пару глотков виски, а полбутылки расплескав по купе. Сивушный дух вмиг распространился по купе. Бутылку поставил на пол, рядом с головой. Надвинул шляпу на лицо, а в ленточку шляпы воткнул билет. Словом, пьяный вдрызг, но... с билетом!

Вошедшие пограничники и проводник безуспешно теребили пассажира за плечо.

– Надо же так набраться! И как он еще дышит в этом смраде?! Ишь, пижон, – будто живой Аль Капоне! Может, все-таки разбудить? Не стоит, мало ли кто как одет! Янки – его и за версту видно. Билет есть – пусть отсыпается. Хорошо еще, что поезд идет не до Аляски, а то был бы сюрприз этому «гангстеру», обнаружь он себя с похмелья меж эскимосов!

Напряженно разведчик вслушивался в обмен репликами служивых... Наконец он услышал характерный щелчок кондукторского компостера, и группа покинула купе. Пронесло!

Вслед за этим в памяти Эйтингона всплыл недавний эпизод. В 1939 году Берия на совещании, посвященном 22-й годовщине образования ВЧК, объявил о своем решении прекратить репрессии против разведчиков, инициированные Ежовым. Затем стал раздавать похвалы руководителям разведки. Делал он это в свойственной только ему одному иезуитской манере: никогда не ясно, то ли он тебя хвалит, то ли издевается. Вонзив немигающий взгляд змеи в зрачки Эйтингона, Берия произнес:

– Возьмем, к примеру, товарища Эйтингона. Он – виртуоз, ас, кудесник нашей разведки. Если однажды в мой дом с улицы, где хлещет проливной дождь, войдут трое, а на полу останутся следы только двух, то я знаю, что один из вошедших – старший майор госбезопасности Эйтингон... Да-да, он умеет и это: ходить между струй!

ИГО МОЕ БЛАГО, И ВРЕМЯ МОЕ ЛЕГКО...

Погожим майским днем 1970 года в отдельном кабинете Испанского клуба, что на 4-м этаже жилого дома на Кузнецком Мосту, трое убеленных сединами клиентов за бутылкой отборного коньяка «Метакса» вели степенную беседу.

Едва ли кому-то из посетителей заведения пришло бы в голову, что эти почтенные старцы имеют на троих 47 лет «отсидки»: один провел в тюрьме 15 лет; второй – 12, третий – все 20! Именно они привели в исполнение приговор Сталина и ликвидировали Троцкого – бывшие генералы госбезопасности Наум Эйтингон, Павел Судоплатов и Герой Советского Союза Рамон Меркадер. Они впервые встретились через 30 лет после завершения операции...

Эйтингон начал рассказывать о «крысиных тропах», коими он двигался по Штатам в поисках лекарства, которое спасет Рамона, ведь вызволять из беды други своя – христианская заповедь... Вдруг он прервал свой монолог и, вперив взгляд в зрачки сидевшего напротив Меркадера, жестко спросил:

– Скажи честно, Рамон, почему ты употребил ледоруб, а не пистолет? Денег не хватило на его приобретение? Я ведь выдал тебе немалую сумму...

– Мой генерал, у меня был пистолет... Но нужно было сделать все без шума, ведь в ЕГО ранчо, как в муравейнике муравьев, был целый легион охранников. И если бы я выстрелил, меня бы сразу схватили. Я же намерен был уйти по-английски, тихо, не раскланиваясь... А ледоруб – орудие не только бесшумное, но и надежное. Удар ледорубом по голове – верная смерть... Но что поделать, либо у меня в последний миг рука дрогнула, либо у НЕГО череп был крепче общечеловеческого... Но дело даже не в этом...

– А в чем?! – в один голос вскрикнули генералы и подались вперед, навалившись на стол.

Меркадер, вмиг посуровев, вынул из нагрудного кармана пиджака сигару и впервые за время посиделок закурил.

– Дело в том, что ОН истошно завопил... Эхо его жуткого вопля не менее десяти лет будило меня по ночам... Ни один актер, ни один вокал не в состоянии воспроизвести этот вопль – так орут только те, кто заглянул смерти в ее пустые глазницы. Ну, а на вопль сбежалась охрана...

Меркадер бросил сигару в пепельницу, снял пиджак и оголил правую руку. На предплечье, чуть выше кисти, проглядывали белые пятнышки.

– Вот, мои дорогие, это отметины последнего укуса Троцкого... А моя рука – это карающая десница Революции, и я этим горд и счастлив...

Наступила тишина. Меркадер раскурил сигару и спросил генералов: каким образом администрации тюрьмы удалось узнать его настоящее имя? Ведь он до конца оставался верен долгу и, несмотря на пытки, продолжал настаивать, что является бельгийским журналистом Жаном Морнаром и к СССР не имеет никакого отношения. Кто же просветил тюремщиков?

Ответил Судоплатов.

– Дорогой Рамон, истинное имя «Жана», то есть твое, стало известно мексиканцам от ФБР, когда в 1946 году в США сбежал функционер испанской компартии... Извини, не помню его имени. Но в утечке информации виновна и твоя матушка, пусть земля ей будет пухом... Во время войны, находясь в эвакуации в Ташкенте, она под «большим секретом» рассказала своему... «другу», кто в действительности был убийцей Троцкого. Через некоторое время этот «друг» оказался в США и, чтобы «срубить денюжку», поделился тем «большим секретом» с ФБР. Только после этого в Испании, где тебя не раз задерживала полиция как зачинщика анархистских манифестаций, в архиве МВД отыскали твою дактилоскопическую карту и переправили в Мехико для сравнительного анализа... Ты правильно сделал, что не пытался опровергать очевидное и признался, что ты, да, действительно, тот самый шалопай-анархист Рамон

Меркадер, который по молодости бесчинствовал в Мадриде. Вместе с тем, «перестроившись на марше», ты правильно делал, утверждая, что убил Троцкого исключительно из личных побуждений, – потому что он приставал к твоей невесте Сильвии...

Мексиканские полицейские поверили твоей версии, так как похотливость «демона революции» уже была им известна. Сразу после прибытия в Мексику Троцкий, проживая на вилле известного мексиканского художника Диего Риверы, домогался его жены, за что был поколочен прислугой и отлучен от дома... И то был не единственный случай, когда «революционер в изгнании» выступал озабоченным сексоголиком...

– Похоже, вы правы, Павел, ведь именно в 1946-м, после шести лет непрерывных издевательств, меня перестали избивать и допрашивать...

Меркадер, впервые за всю встречу перейдя на испанский, прокричал «Camarados, porassaran!», опорожнил до дна бокал и запел Интернационал...

P.S. Эйтингон, патриот, интернационалист, тридцать лет службы в органах госбезопасности рисковавший жизнью во имя торжества идей Коммунизма, в 1951 году был арестован как участник (?) «сионистского заговора в МГБ». За отсутствием состава преступления его выпускают на свободу, а в 1953 году вновь арестуют, на этот раз – по «делу Берия». Из тюрьмы он выйдет только в 1964 году и устроится старшим редактором в издательство «Международные отношения». Его реабилитируют, восстановят в звании и вернут все награды родственникам лишь в 1992 году, через одиннадцать лет после смерти...

Глава шестая. Квартира, где шифры лежат

Поговорка «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан» родилась в Академии наук СССР в середине 1960-х после того, как роман Льва Толстого «Война и мир» в юбилейный – трехсотый – раз явился тем ристалищем, на котором с успехом была защищена очередная то ли докторская, то ли кандидатская диссертация в области русской словесности.

Разоблачение полковника Пеньковского, которого эксперты ЦРУ и СИС считают самым важным агентом западных спецслужб 1960-х, явилось, как и нетленный труд Л. Н. Толстого, благодатной нивой для «остепенения» целой плеяды офицеров советских спецслужб. Точное число сотрудников КГБ и ГРУ, которые, завершив исследование феномена предательства полковника, стали кандидатами и докторами военных наук, – не знает никто, ибо цифра сия – тайна великая есть. Но, судя по тому, что и через 50 лет после казни изменника его призрак все еще будоражит воображение специалистов в области разведки и контрразведки по обе стороны океана, полку научных мужей еще прибудет...

Сегодня мы не будем анализировать мотивы предательства Пеньковского – хватит жевать дохлую кошку. Рассмотрим оставшуюся за кадром операцию «СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!» – негласное проникновение в его жилище, – благодаря чему удалось добыть доказательную базу шпионской деятельности изменника.

САНКЦИЯ С РАСПЛЫВЧАТОЙ ФОРМУЛИРОВКОЙ

Из увидевших свет мемуаров сотрудников КГБ известно, что с помощью кинокамеры с дистанционным управлением, установленной на балконе соседей Пеньковского, удалось отснять, как он колдует с радиоприемником, настраивая его на определенную волну, слушает передачи и делает пометки в блокноте.

Для более скрупулезного наблюдения за действиями Пеньковского в своей квартире по указанию начальника Второго главка КГБ генерал-лейтенанта Грибанова его подчиненные лейтенанты Алексей Никитович Киселев и Николай Григорьевич Ионов отправили семью, проживавшую этажом выше, в санаторий на Черноморском побережье, просверлили отверстие в полу и установили микроминиатюрный перископ размером с булавочную головку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.